

Филимонов
Борис Васильевич, 1949 г.

Книга открывает новую страницу битвы на Волге. В ней рассказывается о бессмертном подвиге группы бойцов и командиров 112-й Сибирской дивизии. Эта группа под командованием лейтенанта Очкина до последних сил, до последнего патрона защищала волжский берег у тракторного завода.

Тепло и просто, используя воспоминания, личные фронтовые записи и документы, автор повествует о защитниках этой неприступной для врага позиции, о том, как молодые бойцы проходили суровую школу боев, как учились мужеству и стойкости у своих отцов и старших братьев, как все вместе отстаивали дорогую Отчизну.

Теплоход неслышно опускается вместе с водой. Открываются ворота шлюза, и мы медленно входим в коренное русло Волги. Позади осталась плотина гидростанции имени XXII съезда КПСС, а впереди, на правом крутом берегу, показались очертания светлых зданий.

Всякий раз, когда я встречаюсь с Волгоградом, сердце учащенно бьется. Жадно всматриваюсь в сторону города...

Красавец тракторный вышел к Волге своими корпусами, а над самой кручей реки, среди молодого парка, белоснежное здание Дворца культуры. Здесь, на тракторном, шли жестокие бои, а вон на том обрыве насмерть стояли бессмертные герои.

Сквозь зеленый остров проглянули корпуса завода «Баррикады», дымит колоннада труб «Красного Октября». Теснятся громады цехов, зданий. И вот видны кварталы красивых жилых корпусов, выросших на месте руин, величественная скульптура Матери-Родины на Мамаевом кургане. Меня захватили воспоминания.

Упорные бои за поселки Красный Октябрь и Баррикады; а там за ними — Вишневая балка, которую мы прозвали «балкой смерти»; штурм Мамаева кургана по скользким от крови скатам...

Легкий толчок. Это наш теплоход плавно причаливает к речному вокзалу. Красавица набережная. Широкая лестница. Искрятся брызги фонтанов на солнце.

С волнением вступаю на священную землю города-героя. Гранитные лестничные марши и величественная Аллея Героев приводят к площади Павших борцов. Весь в цветах памятник героям Отечественной и гражданской войн. На укрытое венками надгробие братской могилы у вечного огня кладу свой скромный букет.

А вот и Музей Обороны. Иду по залам. Как в капле росы отражается огромное солнце, так и здесь в этих небольших комнатах отражается героическая история советской Родины. На старых, потускневших фотографиях совсем еще безусые бойцы и командиры обороны Царицына и Великой битвы на Волге, портреты прославленных полководцев. На одном из стендов, под стеклом — пробитые осколками и пулями комсомольские и партийные билеты. На одних — знакомые дорогие имена, на других — имена боевых друзей и товарищей.

И сразу неудержимо потянуло туда, на тракторный, где в жестоком сражении погибли мои лучшие боевые друзья, где Алеша Очкин возглавил группу бессмертных героев.

Троллейбус мягко шумит по асфальту, быстро и плавно мчит меня по проспекту Ленина. Снова рассматриваю город, но теперь все рядом. Подножие Мамаева кургана, заводы, поселки. Красиво, не описать словами. Невольно встает перед глазами другой город... Весь в огне, с торчащими к небу пробитыми заводскими труба-

ми, почерневшими остовами зданий, весь исковерканный, изрытый воронками от бомб и снарядов.

Площадь Дзержинского. Здесь 14 октября 1942 года воспитанник нашей части пятнадцатилетний Ваня Федоров совершил героический неповторимый подвиг. Вот здесь, на углу сквера, вечером, накануне боя, принимали его в комсомол. 13 октября мы провели комсомольское собрание, а 14-го с первыми лучами солнца началось... Тогда вся площадь была изрыта снарядами и бомбами, от завода оставалось сплошное железобетонное нагромождение. Все горело и все было разбито кругом, одни дымящиеся развалины! Теперь широкая площадь обрамлена светлыми красивыми зданиями, посредине площади на постаменте Т-34 — самый грозный танк времен Отечественной войны. Такие боевые машины делались в цехах этого прославленного завода. Теперь за решеткой ворот я вижу, как из сборочного цеха, который мы обороняли с Алешей Очкиным, Васей Шутовым и группой бойцов, сходят с конвейера новенькие ярко-оранжевые тракторы ДТ-75.

Троллейбус пересекает площадь Дзержинского, огибает завод с северной стороны. Вот и Нижний поселок! Схожу с троллейбуса и несколько минут от волнения не в силах двинуться с места...

Перпендикулярно берегу Волги два четырехэтажных дома. В одном из них, тогда почти сгоревшем, в подвальном помещении располагался командный пункт нашей дивизии, потом в этом же подвале, со всех сторон окруженном гитлеровцами и танками, мне с группой бойцов пришлось отражать яростные атаки фашистов. Теперь у этого здания — клумбы с цветами, зеленые деревья, скамейки. На солнце греются старушки, прыгают девочки с пышными бантиками, играя в классики. Я долго хожу вокруг. Вспоминаю подробности боя.

Прохожу к Волге. Теперь слева выросли корпуса школы-интерната. Между ними сохранилась старая трансформаторная будка. Из-за нее когда-то выползали вражеские танки. По засыпанной ныне ложбине фашистские штурмовые батальоны устремлялись к кромке обрыва, где зацепились отчаянные со своим командиром Алешей Очкиным. Справа высится красавец — Дворец культуры тракторостроителей. Двадцать лет назад он был недостроенным и в подвале размещался передовой отряд медсанбата. От Дворца, меньше чем в ста метрах — круча. Тридцатиметровый обрыв! На самой кромке сохранились размытые дождями, обвалившиеся, но еще различимые стрелковые ячейки. Уцепившись на самой кромке обрыва, дни и ночи под непрестанной бомбежкой, ураганным огнем артиллерии и минометов, непрерывно атакуемые фашистскими танками и озверелыми ротами автоматчиков бессмертные герои дрались до последнего. Там на самом краю обрыва был окоп Пивоварова и Черношейкина. Из пулемета «максим» они скосили не одну сотню фашистов. В центре обороны была позиция бронебойщиков. Здесь действовал Василий Зайцев. С левого фланга, против пристани перевоза, командир группы отважных посылал по ночам в тыл фашистам двух бесстрашных разведчиков — Смородина и Сергиенко. Под кручей, на узкой песчаной полоске, которую омывают волжские волны, распоряжался начальник тыла группы Степан Кухта. Здесь вместе с Тоней Давыдовой он укрывал раненых воинов. Дальше, под крутым берегом в сторону лесозавода, у штабеля бревен, школьники обнаружили вход, который вел в заваленный блиндаж. В такой землянке защитники кручи нашли тогда продукты.

На кромке обрыва можно часто видеть группу пионеров, школьников, солдат, граждан, приехавших со

всех концов нашей страны. О бессмертных героях накануне двадцатилетия Великой битвы на Волге сообщалось во многих газетах, по радио и телевидению. Наш народ, Родина знают о подвиге этой группы Алексея Очкина. Но мало кто знает о жизни героев, о том, как они пришли на эту кручу, чтобы сражаться там до конца. В ней были мои друзья и боевые товарищи, и мой долг рассказать людям о них.

Первое знакомство

В лютую зиму первого года Великой Отечественной войны я, тогда совсем молодой политрук, прибыл в небольшой городок Новосибирской области. В тот же день я был вызван к командиру дивизии. Полковник Сологуб принял меня очень хорошо. Долго расспрашивал о службе в армии, об учебе в училище и поставил задачу — формировать отдельный противотанковый дивизион.

Высокий, бритоголовый, он встал из-за стола, изучающе посмотрел на меня глубокими синими глазами:

— Ну, добре, комиссар, действуй. Желаю тебе успеха!

Командира части пока не было, а комдив дал строгий наказ: не теряя ни одного дня, готовить личный состав к боям. Принимать прибывающих людей, сколачивать подразделения, организовать боевую учебу — все ложилось на мои плечи. Я стал комиссаром части. Вчерашний курсант.

В одноэтажном кирпичном здании школы размещались три воинских подразделения: минометчики, связисты и истребители. Несколько прокопченных классных комнат — это все, чем располагал дивизион. Ни электричества,. ни топлива, ни воды... Пока прибыло в дивизион всего около тридцати бойцов. Командовал ими лихой кубанский казак лейтенант Иван Михайлович Маринец. Никогда не унывающий, он рвался в бой и постоянно напевал:

Эх, ты, парень-паренек,
Дайте парню только срок,
Фашистским гадам он в бою покажет,
Как воюет паренек...

Сологуб Иван Петрович.

Бойцы — молодежь с двадцать первого, двадцать второго года. Обратили на себя внимание два неразлучных друга, два Николая — Сергиенко и Смородин. Сергиенко — невысокого роста, с черным ежиком волос, а Смородин — стройный русоволосый здоровяк. Вскоре я заметил, что неразлучные друзья по характеру тоже очень не похожи друг на друга. Смородин не любил дисциплины, а Сергиенко с первых дней стал ревностным служакой. Он

нуть к твердой воинской дисциплине. Молодой, гордый сибиряк часто обижался на строгую требовательность своего командира.

Пришло время, когда полностью прибыл личный состав в нашу часть, укомплектовывались подразделения, штаб дивизиона. Теперь главным было правильно расставить коммунистов и комсомольцев, подобрать парторга, комсомольского вожака из самых смелых и отважных комсомольцев. Наш отдельный истребительный дивизион в большинстве состоял из молодежи, поэтому вопрос, кто будет комсоргом части, был немаловажным. Ни капитан Богданович, ни я окончательно еще не решили вопрос о комсорге.

«Кто им будет? — все чаще приходилось задумываться мне. — Спокойный ли наводчик Граждетский, который был комсоргом еще в ремесленном училище. Или бывший бригадир колхоза сержант Леонов? Старательный лейтенант Коваль из роты ПТР — тоже неплохая кандидатура. А, может, лейтенант Очкин? Много хорошего в парне, но больно он не обуздан и горяч». Моему окончательному решению с комсоргом помог случай.

Тогда у нас часто проводились тактические занятия совместно с пехотой. Однажды Алексей Очкин хорошо выполнил задачу, поставленную перед взводом. На обратном марше командир части оставил лейтенанта с двумя разведчиками на перекрестке дорог с задачей — направлять батареи и стрелковые роты по отданному в приказе маршруту. Поднялась сильная метель, в короткий зимний день быстро стемнело. Все подразделения проследовали мимо поста, и Очкин направил их по нужному маршруту. Где-то затерялся только лейтенант Самойлов со своей батареей. Командир заблудился, сбился с дороги, но по снежной целине с помощью компаса и карты он привел свое подразделение в расположение части. А Алексей, оставшись на посту, послал разведчиков на розыски батареи Самойлова. Те к рассвету прибыли в часть. Всю ночь и день, целые сутки, простоял на ледяной стуже молодой командир. Обморозился, но не ушел с поста, пока не пришел приказ капитана Богдановича — прибыть в часть.

Об этом случае много говорили в дивизионе, ставили всем бойцам в пример как образец выполнения приказа. По-своему реагировали на это друзья сибиряки — Сергиенко и Смородин.

— Ну, что, Коля, — услышал я в этот вечер, как Сергиенко спрашивал своего друга, — ты сразу убежал бы с поста. Так, что ли?

— Что ты понимаешь! — огрызнулся Смородин. — То ж боевая задача, а не чистка картошки на кухне. Я бы и двое суток простоял!

«Молодец Сергиенко», — улыбнулся я про себя, но не стал вмешиваться в их разговор.

Этот случай и помог мне и командиру части решить вопрос о комсомольском вожаке. А сержант Кухта, который к этому времени был выдвинут на должность командира орудия и назначен парторгом части, с улыбкой сказал:

— Товарищ комиссар, этого парня, что мучает меня, и надо назначить комсоргом.

С Кухтой, опытным коммунистом, я все чаще советовался. «Степан Кухта прав, — окончательно решили мы с Михаилом Иосифовичем, — не подведет лейтенант Очкин, если так выполняет свой долг, будет примером в бою для комсомольцев и всей молодежи нашей части, а требовательности и настойчивости ему не занимать».

Командира взвода лейтенанта Очкина выбрали комсоргом части. Алексей почувствовал доверие комсомольцев, нашу поддержку и по-серьезному взялся за работу

комсомольского секретаря. Даже как командир взвода изменился. Прибегал больше к беседе с нарушителями дисциплины и наказывал лишь тогда, когда все методы убеждения использованы; к занятиям тщательно готовился, чтобы красноармейцы быстрее и лучше усвоили материал. Он первым в дивизионе освоил новое в боевой подготовке стрельбу по движущимся танкам. Скоро его взвод занял одно из первых мест по боевой и политической подготовке

Комсорг проявлял инициативу и не оставлял в покое меня. Однажды он попросил рассказать комсомольцам дивизиона о боях против японских милитаристов на далеком Халхин-Голе в 1939 году, где мне довелось участвовать еще рядовым бойцом. Пришлось готовиться, чтобы вспомнить эпизоды боев в степях братской Монголии.

Комсомольская организация противотанкового дивизиона быстро росла. Вступили в комсомол Николай Сергиенко, Иван Берест, Василий Зайцев и многие другие истребители.

Однажды молодой комсорг предложил провести собрание с необычной повесткой дня. Коля Граждетский, наш лучший художник, старательно, большими буквами написал: «Состоится открытое комсомольское собрание всех истребителей нашей противотанковой части. Повестка дня: Твой комсомольский билет».

На этом собрании парторг Степан Кухта рассказал о Николае Островском, вся жизнь которого была подвигом. Сам комсорг Алексей Очкин выучил на память отрывок из романа «Как закалялась сталь» и прочел его с большим чувством. Слово взял наш старейший коммунист Старцев. Он взволнованно рассказал о своих встречах с Михаилом Ивановичем Калининым, о его замечательных мыслях, обращенных к молодежи.

Богданович Михаил Иосифович.

Я смотрел на Михаила Андреевича — глаза его светились теплом и лаской, голос звучал мягко. А рассказывал Старцев так живо и интересно, что бойцы слушали, затаив дыхание.

«Далеко мне еще до комиссара! — поймал я себя на мысли. — Вот так бы мне выступить, как Старцев!». Потом комсомольцы Василий Зайцев, Сергиенко, Смородин горячо говорили о подвигах Павки Корчагина, Николая Гастелло, Зои Космодемьянской. Комсорг прочел проект резолюции — каждому комсомольцу нашей части в совершенстве овладеть своей специальностью, чтобы жечь и уничтожать фашистские танки и гитлеровцев до полной победы.

Михаил Иосифович Богданович был неутомим, он не давал нам покоя, день и ночь упорно готовил к предстоящим боям. Бывало, как ударит мороз градусов за сорок или разыграется пурга, обязательно жди ночью тревоги и приказа на марш километров на пятьдесят.

Я постоянно восхищался кипучей энергией капитана. К каждому тактическому занятию он тщательно готовился. Перед тем, как вывести подразделения на учения, проводил тренировки со штабом и командирами.

Многим в то время казалось, что наш капитан очень суров и беспощаден. По глубокому снегу он заставлял бойцов часами на руках тянуть макеты орудий, в походы приказывал кухни не брать — выдавал только сухой паек. Многие командиры на это ворчали. Я все больше понимал, что Михаил Иосифович смотрит вперед, готовит красноармейцев к тяжелым испытаниям. Он не только любил повторять известную суворовскую истину: «Тяжело в ученьи — легко в бою», но и действовал по ней.

Богданович был скромным, простым и человечным командиром. Ко многим бойцам приезжали родственники. Он всегда отпустит красноармейца повидаться с родными. А сам? Сам капитан ни разу не позволил себе свиданья с семьей за многие месяцы пребывания в Сибири, хотя она находилась рядом — в соседнем городе.

Наконец, программа боевой и политической выучки артиллеристов выполнена, осталось только получить боевую технику.

В середине апреля наш истребительно-противотанковый дивизион в полном составе погрузился в эшелон и выехал вместе с дивизией на запад. В ночь на 30 апреля мы прибыли к месту разгрузки.

Ночь стояла теплая, лунная. Над городом кружили одиночные самолеты противника. Ярко вспыхивали в небе звездочки разрывов зенитных снарядов и перекрещивались голубые лучи прожекторов. Вдруг где-то рядом с местом нашей разгрузки захлопали торопливые выстрелы зениток. Огненная трасса устремилась вверх к невидимому самолету. Потом раздался нарастающий,

неприятный свист бомб, и один за другим потряс землю грохот разрывов.

«Вот и ближе к фронту, — думалось мне, — быть может, через несколько дней поступит приказ, и мы вступим в бой. Как молодые сибиряки покажут себя? Выдержат ли экзамен истребители в первом бою? Что дал наш труд командиров и политработников?»

Мы с командиром дивизиона стояли на разгрузочной площадке и пропускали колонну бойцов.

Никто не нарушал строя, все подтянуты и собраны, подчеркнуто торжественно печатали шаг.

Богданович молчал. Он тоже волновался. В отблесках пламени недалекого пожара я заметил, как лицо Михаила Иосифовича сосредоточено, он покусывал свои пухлые губы, прищуренными глазами смотрел на бойцов с теплотой.

— Запевай! — вдруг громко скомандовал капитан.

Пусть ярость благородная
Вскипает, как волна!—

раздался громкий голос нашего лучшего запевалы Вани Береста под аккомпанемент выстрелов орудий и отдаленных разрывов бомб. Весь строй молодых голосов торжественно подхватил:

Идет война народная,
Священная война...

— Да... не подведут наши ребята в бою! — тихо сказал я Богдановичу.

Вскоре командующий артиллерией нашей дивизии подполковник Николай Иванович Годлевский вручил нам 45-миллиметровые противотанковые пушки — «сорокопятки», как мы называли их в то время. После торжественного митинга и парада командующий артиллерией долго беседовал с бойцами и командирами. Ни-

колай Иванович тихим, спокойным голосом напутствовал нас:

— Берегите это испытанное оружие. Ни один фашистский танк не выдерживает нашей пушки. Приеду на днях, посмотрю, как научились стрелять.

В тот же день рота ПТР получила противотанковые ружья системы Дегтярева, всем бойцам выдали карабины и автоматы. Снарядов — бронебойных, фугасных, картечи, противотанковых гранат, патронов — два боевых комплекта. Получили и автомашины — полуторки. Мы овладели, кажется, наукой побеждать врага, получили вооружение, провели боевые стрельбы, готовы к бою, но продолжаются бесконечные проверки различных комиссий. За несколько дней до выезда на фронт сам командир дивизии полковник Сологуб проводил тактические учения с боевой стрельбой.

Весь дивизион выполнил боевые стрельбы хорошо и отлично. Бойцы действовали четко и слаженно не только за себя, но и за товарища. Взаимозаменяемость была полная.

Мне хорошо запомнилось, как Сологуб проверял взвод Алексея Очкина. На орудия с большой скоростью надвигались пять «фашистских танков». Подпустив на прямой выстрел, командир взвода дал четкую команду: «Взвод, по танкам, бронебойным, беглый, огонь!» Грянули выстрелы. Не прошло и минуты — все пять танков были уничтожены.

— Молодец лейтенант, — похвалил полковник, — так и действуй в бою. Ну, а как знаешь своих людей?

Комдив скомандовал Очкину выйти перед строем. Сологуб слегка трогал красноармейца за плечо и показывал на какой-нибудь предмет. «Столб», «дом», «машина», — называл боец, а лейтенант, стоявший спиной к строю, по голосу угадывал своего подчиненного и безошибочно называл его имя, фамилию, откуда он родом. Он уверенно рассказывал о своих бойцах: Кухте, Черношейкине, Сергиенко, Смородине... С таким же успехом он, вероятно, рассказал бы чуть не о всех бойцах нашей части.

— Це добре, лейтенант, — похвалил командир дивизии.

— Он ведь не только командир взвода, — сказал капитан Богданович, — но и комсорг. Ему положено так людей знать.

— Всем положено так знать, — с улыбкой заметил Сологуб и тут же, начиная от командира дивизиона и меня, всех командиров подверг подобному же испытанию по знанию своих подчиненных. Красноармейцев и младших командиров полковник экзаменовал не только по боевой подготовке, но задавал им вопросы по международной обстановке.

На прощание Иван Петрович Сологуб сказал капитану Богдановичу и мне:

— Боевые хлопцы у вас. И в политике разумеют. Значит, добре буде дило.

Для меня, молодого комиссара, как и всех, эти слова комдива Сологуба были самой большой наградой и запомнились на всю жизнь.

Боевое крещение

В знойное лето 1942 года бесконечной вереницей тянулись эшелоны из центральных районов страны на юго-восток к Дону и Волге. Поступали тревожные вести — наш фронт, где-то южнее Харькова, прорван, и фашистские армии устремились к Дону. В одном из воин-

ских составов ехали и мы, не зная тогда, что едем на самую Великую битву.

Внешне дни в дороге ничем не отличались от ритма нашей армейской жизни на месте формирования. Кто-то стоял в наряде на кухне, кто-то дежурил у автомашин и пушек на платформах, кто-то наблюдал за воздухом с противотанковыми ружьями, которые мы укрепили на поворотных приспособлениях, чтобы вести стрельбу по самолетам; с остальными командиры проводили занятия в теплушках по боевой и политической подготовке. А по вечерам, когда темнело, мы садились у раздвинутых дверей и пели популярные тех военных лет песни. Да, внешне, казалось, ничего не изменилось...

Но у бойцов появилось что-то новое. Я не мог не заметить, что самые недисциплинированные как-то внутренне подтянулись, выполняли приказы командиров четко, с большей старательностью. Бойцам на посту не просто приходилось дежурить и наблюдать за воздухом, а зачастую открывать огонь по вражескому самолету. Если раньше кому-нибудь из бойцов приходила мысль: зачем такая чрезмерная требовательность у командира, теперь с каждым километром становилось все понятнее. Все больше попадалось отметок войны: разбитых станций, воронок от бомб вдоль путей, а навстречу все чаще шли санитарные поезда с ранеными. Через несколько дней и самим нам придется вступить в бой, а там, в бою, любая недисциплинированность может обернуться непоправимой ошибкой. Через несколько дней бойцы будут держать экзамен не только по мастерству истребления танков, но и по силе воли, своим моральным качествам. Вместе с бойцами и я, комиссар части, тоже буду экзамен держать — и за себя и за них.

Нет, мои боевые товарищи изменились, намного изменились. Относиться стали друг к другу внимательнее,

теплее. Мне было приятно отметить, что даже Коля Смородин заметно подтянулся и получил первую благодарность от командира за отличное несение службы. Приближающаяся опасность еще больше сроднила и сблизила людей.

Военная наука учит, чтобы победить — надо возненавидеть врага. Наши бойцы видели разрушения по дороге, и сердца их наполнялись гневом. На политзанятиях мы рассказывали о зверствах палачей, муках наших людей в плену и оккупации. На одном из занятий Михаил Андреевич Старцев прочел в «Правде» статью Михаила Шолохова.

Во время стоянки эшелона я зашел в один из вагонов. Бойцы окружили замполитрука. Михаил Андреевич держал газету близко перед глазами и тихим, но твердым голосом читал: «Тяжко я ненавижу фашистов за все, что они причинили моей Родине и мне лично, и в то же время всем сердцем люблю свой народ и не хочу, чтобы ему пришлось страдать под фашистским игом».

Это был рассказ Михаила Шолохова «Наука ненависти».

«Молодец отец, — подумал я с хорошей завистью, — как я не догадался, что именно это сейчас нужно людям. Плохой я еще комиссар!»

Не мешая Старцеву, я тихо выпрыгнул из теплушки и, собрав коммунистов, дал команду прочитать этот рассказ со всеми бойцами. Зашел разговор о том, что должен сделать каждый для защиты Родины.

— Товарищ комиссар, — вдруг предложил лейтенант Очкин, — давайте соберем в пути деньги на танк и назовем его «Таня», в честь славной комсомолки Зои Космодемьянской.

Ну как было не одобрить такой патриотический порыв! Сам комсорг отдал на строительство танка свой

дил он везде за Алексеем. Тот привязался к Ванюшке и опекал его, словно младшего братишку.

Наконец, в зеленой кайме показался Дон. Как хотелось после изнурительной июльской жары броситься в прохладную реку, но времени не было на передышку. В густой роще, которая сейчас почти вся затоплена Цимлянским морем, состоялся митинг дивизии. Наш комдив полковник Сологуб, герой гражданской войны и боев в Испании, обратился ко всем бойцам и командирам, призвав с честью пронести Красное Знамя.

— Завтра в бой! Мы принимаем его на земле, политой кровью отцов, — говорил Иван Петрович. — Будем достойны их славы! Победить врага и остаться в живых — желаю каждому воину!

С взволнованной речью выступил один из самых старых коммунистов дивизии боец Пивоваров. Обычно молчаливый, Иван Афанасьевич говорил горячо и страстно. Он показал на видневшийся вдали железнодорожный мост через Дон и рассказал, как когда-то в гражданскую войну восстанавливали этот взорванный белянками мост, как он комсомольчонком участвовал в обороне Царицына. Кто-то должен был откликнуться из молодых бойцов на призыв старшего поколения Павки Корчагина. В кузов автомашины быстро вскочил Алексей. Комсорг истребителей сказал коротко:

— Дорогие наши отцы и старшие братья! Мы, комсомольцы, клянемся вам, нашей славной партии, сражаться смело против подлых фашистских захватчиков. Мы клянемся вам умереть за Родину, без приказа ни на шаг не отступим!

Замерли, слушают лейтенанта. Суровые и строгие лица у комсомольцев. Рядом с бывалыми воинами Черношейкиным и Пивоваровым плечом к плечу стоят молодые, безусые ребята: два неразлучных Николая —

Сергиенко и Смородин; плотно сдвинулись крепыши Василий Зайцев и Иван Берест; прижался к Степану Кухте, вытянулся на носках Ваня Федоров, не сводит глаз со своего лейтенанта. Он чувствует себя среди молодых и бывалых бойцов, как в родной семье. У всех сейчас одни думы — о первом бое, у всех одна цель — остановить фашистов. Есть одна большая боевая семья, глава которой наш комдив, наш полковник Иван Петрович Сологуб.

Вечером мы переправлялись через Дон в районе Верхне-Чирской. Вышли из рощи на песчаную отмель. По теплому песку медленно, на малом газу, машины тянули пушки. Осторожно въехали на понтонную переправу. Тишина. Слышалось журчанье воды в тихом Доне, изредка всплеск рыбы, стрекот кузнечиков на берегах. После выматывающей силы жары, двух бессонных суток тяжелого перехода — благодатная прохлада теплой летней ночи. Не верилось, что совсем рядом фашисты и, может быть, на рассвете, а то и этой ночью придется вступить в бой.

На правом берегу Дона мы оказались рядом с лейтенантом Очкиным. Он шел по обочине дороги, задумавшись о чем-то. Догнав его, я положил руку на его плечо:

— Алеша, ты сегодня очень хорошо сказал на митинге. Меня с капитаном Богдановичем даже похвалил потом Сологуб. Боевого, говорит, подобрали вы вожака комсомольцев.

— А вы знаете, — ответил мне на это Алексей Очкин, — когда я выступал, то видел свою Смоленщину, родные места, где в детстве огольцом бегал. А теперь фашист топчет сапогом те места...

«Всем нам, как и Алеше, — подумал я, — очень дороги места, где мы родились, где прошло наше детство.

А когда мы говорим о Родине, то видим всю нашу огромную страну, всех наших советских людей, все то, что завоевано нашими отцами в Октябре, все, что построено нами за годы Советской власти. И теперь нам также дорог будет каждый клочок этой степи за Доном, эта исконно русская земля, политая кровью наших дедов и отцов еще в гражданскую войну».

— А где, Леша, сейчас твоя мать? — спросил я Алексея.

— На фронте, где-то под Ленинградом.

Я знал жизнь своего комсорга, сложившуюся нелегко с раннего детства. Когда Алексей родился, мать его была тяжело больна. Вскоре она умерла, а мальчонка скитался по дворам, пока не взяла его на воспитание сельский врач. С ней он исколесил немало дорог, узнал радость и горе. Его приемная мать не знала покоя. Днем и ночью, в метель и весеннюю распутицу она отправлялась, чтобы спасти человека. Вероятно, у этой замечательной русской женщины взял так много хорошего Алексей. Когда его Смоленщина оказалась в огне войны, он стал добиваться отправки на фронт. Парнишке едва исполнилось семнадцать, и его не брали в армию — пришлось прибавить два года...

Внезапно из темноты выросла высокая фигура капитана Богдановича. Поравнявшись с нами, он неторопливо зашагал рядом.

— Главное, друзья, первое испытание, — как-то ласково заговорил Михаил Иосифович. — От того, как выдержим первый бой, — зависит многое.

Помолчав, он добавил:

— За ночь нужно как можно глубже зарыться в землю.

Богданович взял меня за локоть и отвел в сторону. Очкин предупредительно отстал.

— Ну что, страшно, комиссар?

— Не знаю. О людях думаю, о себе некогда, — откровенно признался я.

Михаил Иосифович ничего не ответил, и мы долго шли молча. Каждый из нас думал о своем, а вместе с тем об одном и том же. Каждый из нас волновался в эту теплую ночь перед боевым крещением.

Переправив весь дивизион через Дон, капитан собрал командиров.

— До рассвета отрыть ровики полного профиля для людей, — голос командира звучал по-прежнему твердо и властно, — отрыть укрытия для орудий и автомашин. К пяти ноль-ноль доложить о готовности.

Наши истребители заняли позиции и тут же стали их оборудовать. Сначала задача казалась невыполнимой — времени оставалось мало, но потом оказалась все-таки возможной.

Лейтенант Очкин расположил свой взвод, показал командирам орудий места огневых позиций, выбрал с ними ориентиры, спросил, где они хотят рыть ровики и укрытия для автомашин и боеприпасов; после этого мы решили обойти с комсоргом все подразделения — посмотреть, как люди окапываются, или, говоря языком политработника, довести задачу командира до каждого бойца и проверить, как он выполнил ее.

Мы подошли с Алексеем к первой батарее. Бойцы, сбросив гимнастерки, дружно работали лопатами и переговаривались в темноте.

— Ребята, а когда «юнкерсы» бомбили хуторок, наш комбат Идельчук того... малость трухнул, — узнал я озорной голос Вани Береста.

— Так впервой с кем хочешь может быть, — возразил ему рассудительный Леонов, — а он в бою не подведет, как пить дать.

«Ни один шаг командира не проходит мимо бойца», — подумал я про себя и решил этой же ночью поговорить с каждым командиром подразделения. Для многих из них предстоит первый бой в жизни. Нужно не растеряться, побороть неизбежный страх — десятки пар красноармейских глаз будут следить за командиром!

Мы с комсоргом обошли все батареи, роту противотанковых ружей. Комсомольцы, а за ними и все бойцы взяли обязательство: к рассвету полностью отрыть огневые и укрытия. В некоторых расчетах даже перестарались — работали все, сняв наводчиков с постов наблюдения. Это было рискованно и опасно: в любую минуту, пользуясь темнотой, могли проникнуть вражеские автоматчики и вывести из строя все подразделение. Я тут же поговорил об этом с командирами орудий и приказал усилить наблюдение.

— Разрешите, товарищ комиссар, остаться? — поравнявшись со своим взводом, спросил Алексей и, сбросив ремень, взял у запыхавшегося Черношейкина лопату.

Глядя на лейтенанта Очкина, и другие командиры взялись за лопаты. Бойцам стало веселее, когда рядом и командиры вовсю работают. Поначалу затвердевший верхний грунт с трудом поддавался, пришлось ломом долбить, но глубже земля пошла более мягкая.

Только выглянуло солнце из-за рощи, как начался налет авиации, артиллерийский и минометный обстрел. Люди и боевая техника к этому времени были надежно укрыты. Кругом грохотало, а уставшие от бессонной ночи и предыдущего марша бойцы по очереди дремали в ровиках.

Вскоре слева от нас фашисты пошли в атаку. Вражеская пехота при поддержке танков и авиации с ходу

атаковала наших бойцов, едва успевших занять оборону и окопаться на северо-западной окраине станицы Верхне-Чирской. Главный удар был направлен вдоль берега Дона. И тут случилось непредвиденное, но самое страшное в первом бою.

Кто-то из наших пехотинцев не выдержал, отдельные группы красноармейцев выскочили из наскоро отрытых окопчиков и побежали. Паника моментально перекинулась дальше. Повозки, артиллерийские упряжки на бешеном галопе в клубах пыли неслись через хутор Рычковский по направлению к железнодорожному мосту через Дон...

Большинство же, оставшиеся в боевых порядках бойцы стрелкового полка и батарея лейтенанта Самойлова, встретили огнем фашистские танки и автоматчиков и вступили в неравный бой. Остались в боевых порядках и другие подразделения дивизиона.

Комсорг наш отличился в этом первом бою, но за свою отвагу получил выговор от командира дивизиона. Случилось так, что в полдень фашисты неожиданно утихли. Очкин, получив разрешение капитана Богдановича, отправился к командиру соседней роты уточнить обстановку. Неожиданно налетела авиация, после бомбардировки противник сильно обстрелял нас артиллерией и минометами. Затем фашисты двинулись в психическую атаку, шли огромной серой массой, строча на ходу из автоматов. Алексей оказался в той самой роте, которой было приказано контратаковать фашистов. Вместе с пехотинцами наш комсорг бросился в контратаку, врезался в ряды гитлеровцев, строчил из автомата, а когда в диске кончились патроны — отбивался прикладом. Наши сбились, перемешались с гитлеровцами, фашисты открыли огонь шрапнелью. Снаряды стали рваться над головой наших и гитлеровцев, те начали отхо-

дить. Лейтенант Очкин не растерялся и возглавил группу пехотинцев, которая, преследуя противника, отбросила его за Верхне-Чирскую.

Еще возбужденного боем лейтенанта вызвал командир части Богданович и отчитал:

— Ребячество! Это война или детский сад?! Бросить пушки... А если бы танки пошли?!

Что я, комиссар, должен был сказать своему комсоргу? Я понимал, что командир прав, но это был душевный порыв комсомольца. Не мог усидеть Алексей, когда остальные бросились в бой, не знаю, смог ли я сам усидеть? Алексей действовал так, как ему подсказывало сердце. Но наш строгий, требовательный капитан все-таки был прав, и я только добавил:

— Алеша, твое место там, где твои бойцы!

— Что так круто, Михаил Иосифович, — сказал я, когда Очкин ушел.

— Отважный парень, за это и ругать жалко, а надо, — признался мне Богданович.

Наш командир дивизиона не терпел самоуправства и недисциплинированности, но был справедлив. Он сумел разглядеть главное в молодом лейтенанте и вскоре, когда мы оказались в окружении, именно Очкину доверил пробраться к командиру дивизии Сологубу.

— Раз выбрался из такого пекла, — сказал полковник Алексею, — передай приказ артиллеристам накрыть гитлеровцев вот здесь, — показал комдив на его карте. — Мчись в артполк. Откроет он огонь через пятнадцать минут — и ваш дивизион и вся дивизия спасены. От артиллеристов все зависит.

Под разрывами бомб и артобстрелом, весь исцарапанный, Алексей Очкин добрался в артполк, который размещался в роще, и передал начальнику артиллерии Годлевскому координаты цели для открытия огня. На обратном пути Алексей решил не делать крюк через железнодорожный мост и, чтобы скорее доложить комдиву, отправился вплавь через Дон. Противник за это время продвинулся, и река простреливалась пулеметами. Лейтенанту удалось с трудом переплыть Дон. Не успел он вылезти на берег, как наши бойцы схватили его. Он стал отбиваться, но ему скрутили руки, в рот затолкали пилотку, чтобы не ругался. Незадолго перед этим бойцы поймали у реки сбитого с «фокке-вульфа» молодого летчика в трусах. Он умел ругаться по-русски, и бойцы приняли Алешу за вражеского лазутчика. Его потащили к Сологубу. В таком виде и предстал лейтенант Очкин перед комдивом.

— Товарищ полковник, — доложил старший из бойцов, — поймали фрица!

— А может, хлопцы, це наш, га? — расхохотался Сологуб.

Командир дивизии, отпустив красноармейцев, приказал адъютанту обмундировать лейтенанта, потом вызвал его к себе.

— Выношу тебе благодарность, боевой комсорг, от всех воинов спасибо!

Теперь иди воюй, хлопче, — ласково добавил Сологуб и отпустил Очкина.

А из-за Дона грохотала артиллерия. Наша пехота, поддержанная мощным артогнем и танками, дружно поднялась в атаку, прорвала кольцо фашистов и восстановила положение.

Мы выдержали боевое крещение, остановили врага, уже много дней рвущегося по задонским степям на восток.

В этом первом бою командиры умело и властно руководили подразделениями, а бойцы познали, что и сильного врага можно бить.

Школа мужества

«Бои шли с переменным успехом. Несколько дней противник бросал в атаки части 51-го армейского корпуса, усиленного танками. В отдельные дни в атаках участвовало до ста танков, а мы имели на этом участке только десять. Однако наши части, особенно 112 дивизия, отбив атаки, сами переходили в контратаки». Так, Маршал Советского Союза Чуйков рассказывает в книге «Начало пути» о боях в центральной излучине Дона. Эти слова Василия Ивановича характеризуют жаркие и напряженные бои, которые происходили на участке нашей дивизии в конце июля и начале августа 1942 года.

К вечеру 27 июля 385 стрелковый полк при поддержке 10 танков «КВ» и нашего дивизиона перешел в контратаку. Мы выбили противника из хутора Ново-Максимовский, овладели станцией и отбросили его за реку Чир. Сколько радости было на лицах бойцов! Первая, первая наша победа! Фашистов можно не только остановить, но и гнать; если дать им покрепче по зубам, то они и побегут, бросая оружие и снаряжение!

Мы закрепились западнее хутора Ново-Максимовский и тут же стали оборудовать огневые позиции. Еще разгоряченные боем, усталые и до предела довольные боевой удачей, мы с азартом рыли окопы и укрытия для орудий. Слышался смех, шутки. Наш запевала Ваня Берест не утерпел и затянул старинную русскую песню о молодецкой удали солдат, и песня перекинулась по взводам и расчетам. Только стемнело, появился вместе с Ваней Федоровым наш повар. И какой необыкновенно вкусной показалась простая каша! Ели с аппетитом и чокались кружками с трофейным шнапсом. После ужина снова шутки, смех, снова затянул песню Ваня Берест.

Пивоваров Иван Афанасьевич.

Песня разливается по степи, ее слышат фашисты и бесятся, что сегодня нам так весело. И никто из нас в тот вечер не знал, что многие шутят и смеются в последний раз и что через день навсегда смолкнет и звонкий голос нашего запевалы Вани Береста...

На рассвете 29 июля мы только отразили атаку фашистов, как поступил приказ перебросить первую батарею, взвод второй и часть ПТР в стык двух стрелковых полков, где предполагался танковый удар противника, в результате которого наши части могли быть отрезаны от переправы через Дон, а противник овладел бы железнодорожным мостом. Очень скоро это предположение подтвердилось.

Едва мы успели расположить пушки и бронебойки между постройками МТС, как из района «Квадратной рощи», западнее станицы Верхне-Чирская, выползли темно-серые пауки. Чем ближе, тем лучше можно было рассмотреть очертания танков. Развертываясь в степи,

они оставляли за собой хвосты пыли, постепенно сливавшиеся в сплошную рыжую завесу. Позже мы узнали, что нас атаковала целая колонна в шестьдесят танков.

Как томительны минуты перед боем! Я смотрел на лица бойцов, моих боевых товарищей. Все они впились взглядами в приближающиеся танки. Каждый по-своему ведет себя в эти минуты. Лейтенант Очкин обошел свой взвод, стараясь лучше приготовиться к бою. Он стал на станины, попрыгал, чтобы сошники глубже вошли в землю, потом приказал командирам орудий ближе поднести ящики с боеприпасами. Степан Кухта уточнил с наводчиком ориентиры. Затем он громко обратился ко всем бойцам:

— Друзья! Покажем, на что способны сибиряки. Ни одного фашиста назад не выпустим!

Старцев находился в составе расчета, орудие которого было замаскировано в здании мастерской.

— Ты не торопись, — спокойно советовал он своему командиру орудия. — Нашу пушку фашисты не видят, огонь откроем последними, в упор.

Заряжающий усач Черношейкин еще раз опробовал затвор и не спеша прислюнявил махорочную самокрутку.

— В империалистическую я танков не видывал, но ничего, попробуем.

Бронебойщик Пивоваров, молча поглядывая на соседних бойцов, старательно протер патроны и заслонил кирпичами, чтобы не запорошило их песком и пылью.

Спокойствие и выдержка коммунистов и таких бывалых солдат, как Черношейкин, невольно передавалась другим бойцам. Смородин и Сергиенко замаскировали свою бронебойку и приготовили бутылки с «КС», приладили себе под руку автоматы. Ваня Берест сноровисто протирал снаряды.

— Подавай, подавай Гитлеру гостинцы, — шутливо покрикивал он на товарища, который быстро подносил боеприпасы.

Все находили дело перед боем, в глазах бойцов не было испуга — только решимость как можно лучше дать отпор врагу. Кое-кто открыто волновался и не мог скрыть этого.

— Эх, комиссар! — сказал мне с дрожью в голосе младший лейтенант Идельчук, — не успели мы окопаться. Гляди, сколько танков!

Сам я волновался не меньше, чем он, но то ли оттого, что перед этим обошел все расчеты и перебросился с бойцами словцом, то ли оттого, что в этот момент больше думал о бойцах, чем о себе, мне внешне удалось скрыть свое волнение. Чтобы как-то успокоить командира батареи, я спросил у него, сколько на огневых снарядов, хотя знал на память количество бронебойных по взводам.

— Да хватит не только такую колонну сжечь, а в десять раз больше, — уверенно сказал Идельчук.

— Ну, если хватит, все в порядке, — ответил я и спокойно добавил: — Не беда, Давид, что позиции не успели оборудовать. Нам, истребителям, не привыкать выкатывать на прямую наводку.

От быстро приближающейся колонны танков нас отвлекла новая смертельная опасность. Неожиданно налетела стая «юнкерсов». Стервятники, включив воющие сирены, обрушились на боевые порядки нашей пехоты, на наши позиции. От разрывов бомб все заволокло красной завесой — рушились кирпичные постройки МТС. Укрыться некуда и времени нет...

— Батарея, по танкам, огонь! — дал команду Идельчук.

В разрывах бомб никто не слышал его голоса, но

как только младший лейтенант махнул рукой — одновременно раздался залп пушек. Танки, встреченные огнем в упор, продолжали идти, хотя некоторые из них загорелись. «Юнкерсы» бомбили и обстреливали из пушек и пулеметов. Фашистские танки, обнаружив нас, открыли огонь.

Один из осколков смертельно ранил командира батареи. Он еще крепился, стараясь удержаться на ногах, но стал падать на бок. Я подхватил и положил его на землю — Давид был мертв. В эти секунды мне вспомнился разговор солдат об Идельчуке, в ту первую ночь, когда перешли Дон. Верно сказал Вася Леонов: «В бою он не подведет!». Когда потребовалось, Давид Хаимович Идельчук нашел в себе силы побороть страх и встретил смерть как настоящий воин. Смел не только тот, кто ничего не боится, но и тот, кто может победить свой страх!

Батарея осталась без командира, и мне ничего не оставалось, как принять на себя командование. Бой становился все ожесточеннее. Нас бомбили, поливали свинцом стервятники, расстреливали из танковых пушек, но мы продолжали драться. Выбывали из строя командиры орудий и взводов, но тут же становились на их место другие. Временами казалось, что все кончено. Вот-вот «мессершмитты» и «юнкерсы» уничтожат батарею, вражеская колонна танков сомнет нас. Почти полностью уже погибли или были ранены люди у двух крайних орудий, был ранен командир взвода. Но туда по своей инициативе перебежали Алексей Очкин, Николай Смородин, Вася Зайцев. Лейтенант Очкин заменил убитого наводчика, Николай Смородин и Василий Зайцев составили новый расчет, и снова «сорокопятка» продолжала звонко палить по танкам. Около десятка вражеских машин уже горело, но напряжение боя не ослабевало...

Замполитрук Михаил Андреевич Старцев был ранен в голову, но, обливаясь кровью, он продолжал заряжать орудие и вести бой вдвоем с Ваней Берестом. Подбежал я к Старцеву, чтобы заменить его, но он не захотел уходить:

— Товарищ комиссар, у меня есть еще силы! Вы бегите лучше на правый фланг, что-то наши бронебойщики замолчали.

Только я собрался к бронебойщикам, как снова посыпались бомбы, и Ваня Берест упал навзничь. К орудию Старцева бросился от соседней пушки Коля Граждетский, односельчанин Вани Береста.

— Отомстим за Ваню! — крикнул он, заменив друга.

Это был тот самый боец, который в Сибири чуть не замерз, когда лейтенант Очкин послал его разыскивать батарею Самойлова и который в первый день боя просидел на дне окопа. В этом бою, ничего не скажешь, Коля оказался прямо героем, настоящим героем!

Прибежал я к бронебойщикам, а те, оказывается, «молчали» умышленно, выжидали, когда танки повернутся бортами, и тогда надежнее будет поражать их из ружьев. Выждав еще немного, Пивоваров махнул соседним бронебойщикам, и они дали залп по бортам разворачивающихся танков. Две машины задымили. На возбужденном лице Пивоварова играла счастливая и лукавая усмешка. Ни к кому не обращаясь, он шептал:

— Вот как мы их, гадов!

Молодцами показали себя в этом бою истребители, настоящими бойцами. Нет, недаром так требователен был на учениях капитан Богданович. Не зря не давал покоя нам на формировании комдив Сологуб. Научились мы воевать. Крепко, плечом к плечу стояли в этом бою истребители и бронебойщики, коммунисты и комсомольцы — одно целое. Кто кому показывал пример стойкос-

ти — трудно сказать. Комсомольцы Коля Смородин, Вася Зайцев, Иван Берест смело действовали у пушек, а наши отцы — Пивоваров и другие — показывали пример сынам: «Глядите, мол, комсомольчата, вот как действуют те, которые еще в гражданскую здесь сражались».

Чуть не половину людей мы потеряли в тот трудный день, 29 июля. Но из 60 танков сожгли 18 и удержали рубеж, несмотря ни на что. Об этом бое в те дни писалось в «Правде» скупыми строками сводки Совинформбюро.

Мы гордились этим боем, но нам было и очень тяжело, потому что многие из наших боевых друзей погибли в этот день. Фашистам дорого обошлась попытка танкового тарана, они почувствовали нашу силу.

После боя мы с лейтенантом Очкиным вывозили раненых на уцелевшей полуторке. Машина была пробита осколками, скаты полуспущены, радиатор тек. Шофер выбыл из строя.

— Товарищ политрук, я поведу машину: другого выхода нет! — заявил мне лейтенант Очкин.

Мы погрузили в кузов двадцать раненых. Алексей, уцепившись за руль, не снимал ноги с педали газа. «Только бы не заглохла машина!» — больше всего боялся он, а я думал о том, удастся ли проскочить открытое место, простреливаемое фашистами. Другой дороги не было, а ожидать темноты нельзя. Тяжелораненые могли не выдержать до вечера.

Только выехали в степь — нас обнаружил «мессершмитт». Несколько раз заходил он в атаку. Поехали вдоль железной дороги, и сразу засвистели пули справа. Впереди и позади машины рвались мины. Каким-то чудом мы все же добрались до медсанбата и сдали врачам раненых товарищей.

Вечером на окраине хутора Рычковский всех уцелевших после боя под Чиром собрал капитан Богданович. В этот день он неотрывно находился во взводе батареи Самойлова. Как застал его утром бой в этом взводе, так он и пробыл весь день. Мы почти всегда вели бой вместе с пехотой, и наш командир части в большинстве случаев был вместе со своими подразделениями и разделял с ними всю опасность боя.

Командир части сообщил, что за сегодняшним боем наблюдал с НП командир дивизии. Иван Петрович Сологуб с похвалой отозвался о стойкости и мастерстве наших бойцов. Помолчав немного, Богданович внимательно обвел умными черными глазами всех сидящих перед ним и начал откровенно, ничего не скрывая, рассказывать, что в ближайшие дни ожидаются еще более сильные атаки танков, и к этому мы должны быть готовы. Капитан надеялся на своих бойцов, верил им.

Он говорил прямо:

— Фашисты не смогли прорваться здесь к мосту. Мы заплатили жизнями наших боевых друзей, но сорвали замысел врага. Теперь, по данным разведки, они попытаются прорваться севернее, чтобы отрезать наши части от железнодорожного моста — единственной оставшейся переправы.

Михаил Иосифович обратился к Алексею Очкину:

— Ну, что скажешь, лейтенант, ребятам? Что молчишь, комсорг?

Все сидели задумчивые, притихшие — тяжело досталась нам эта победа. Мы проходили жестокую школу мужества. Позади оставалась юность, закаленными воинами становились молодые бойцы.

— Ребята, теперь надо драться вдвойне, — просто сказал Алексей комсомольцам и не проронил больше ни слова.

Я посмотрел на комсорга. Как он переменился за один день. Трудно было узнать вчерашнего юношу. Все черты лица его обострились, глаза посуровели. Переменились и все другие за этот день. На строгих лицах комсомольцев была решимость выполнить любой приказ Родины и мстить, мстить фашистам за своих погибших товарищей.

Мы перешли севернее, на правый фланг дивизии, и всю ночь вгрызались в сухую, крепкую, как камень, землю — оборудовали огневые в районе высоты 118,2. Каждый уже по своему опыту знал: глубже зароешься— земля-матушка всегда выручит.

До шестого августа мы отбивали атаки и удерживали рубеж, а в полночь на седьмое пришел на огневые капитан Богданович и предупредил, что фашисты с рассвета должны перейти в большое наступление. По последним данным разведки на нашем участке обороны противник сосредоточил до двухсот танков, две пехотные дивизии, много минометов и артиллерии.

Ровно в шесть утра фашисты начали авиационную обработку нашего переднего края. Земля загудела, застонала, все заволокло огнем, дымом — загорелась степь... Пожар в степи — тяжелое зрелище. Образовалась дымовая завеса, под прикрытием которой пехота и танки врага приближались к нам. Вскоре фашистские танки и автоматчики вклинились в наши боевые порядки. Впереди, в полуокружении отчаянно дрались пехотинцы стрелкового полка. Огневые мы хорошо замаскировали и могли встретить атакующие танки с самой небольшой дистанции. Грянул дружный залп. Сплошной грохот, кругом языки пламени, дым — трудно что-либо разобрать. Но вот ветер отнес в сторону дым, и мы увидели, что подожгли три танка. У нас всего семь «сорокопяток», семь противотанковых пушек против брониро-

На огневую позицию.

ванной лавины. Так начался смертный поединок на высоте 118,2 на правом берегу Дона 7 августа 1942 года.

— Десять, пятнадцать, двадцать... — громко считал командир орудия Степан Кухта приближающиеся гитлеровские машины.

— Пока не подойдут на сто пятьдесят метров — не стрелять, сержант, — приказал Кухте командир взвода Алексей Очкин и, обращаясь ко всему расчету, шутя добавил: — А то еще разбегутся фашисты, где их тогда найдешь.

Я невольно подумал: какое надо иметь мужество и выдержку, чтобы еще шутить, глядя смерти в лицо.

В расположение огневых рвались мины и снаряды, над головой свистели пули. Огонь горящей степи подбирался все ближе и ближе, трудно было дышать, дым разъедал глаза. Из дымовой завесы вылезли танки, и командир батареи Самойлов дал команду открыть огонь. Многие машины, напоровшись в дыму на наши орудия, поворачивали назад и попадали под огонь других пушек и бронебойщиков. Но справа большой группе танков удалось обойти нас, и теперь они атаковали с тыла. Орудия пришлось развернуть и вести огонь во всех направлениях. От губительного огня танковых пушек, пулеметов, просочившихся автоматчиков выходили из строя люди, но каждый готов был заменить товарища. Оставшись вдвоем у орудия, Алексей Очкин и Степан Кухта не прекращали огня. Когда подвернулся бортом один танк, лейтенант последним снарядом сжег его, но еще два шли прямо на пушку.

— Снаряды, снаряды давай! — оторвавшись от панорамы, крикнул Кухте Очкин, и готов был сам уже бежать за ними в овраг, где лежали ящики с боеприпасами, но в это время неожиданно появился наш Ванюшка.

— А ты чего бегаешь?! Война тебе тут или детский

сад? — набросился на него лейтенант с теми же словами, что и капитан Богданович когда-то отчитал его самого.

— А сами-то бегаете! — возразил Ваня Федоров.

У него на лице было такое искреннее желание помочь своему любимому лейтенанту, что Алексей не смог ему отказать и приказал:

— Подноси снаряды!

Ваня кубарем скатился в овраг, схватил снаряд и, обгоняя Кухту, подал командиру бронебойный. Потом Степан только успевал заряжать, а Ваня уже протягивал ему снаряд. Так в этом бою наш воспитанник Федоров получил боевое крещение и вместе с лейтенантом Очкиным и сержантом Кухтой в этот день записал на свой лицевой счет четыре уничтоженных танка. Коренастый и сильный для своего возраста, Ванюшка потом прекрасно справлялся с обязанностями подносчика снарядов и мечтал об одном — скорее стать наводчиком и самому уничтожать танки гитлеровцев.

Леонов Василий Федорович.

Сколько мы подбили и сожгли в тот день фашистских танков, трудно сказать — около полутора десятков или больше, но двенадцать бронированных коробок, застывших в районе огневых, я насчитал вечером. Всем тяжело было в том бою. Даже капитану Богдановичу временами приходилось сражаться за рядового бойца.

Вечером хоронили павших героев. У выкопанной братской могилы стояли, сняв пилотки, в молчании командир части Богданович, Алексей Очкин, сержант Кухта, Иван Афанасьевич Пивоваров и другие. Прощаясь с командиром Мишей Самойловым, я обнаружил у него в кармане письмо, которое он собирался послать жене, достал из кармана Василия Леонова новенькую кандидатскую карточку. На днях мы приняли комсомольца Васю Леонова в кандидаты партии. И вот сегодня коммунист Леонов сжег два вражеских танка, а когда целился в третий, был убит. В кандидатской карточке Леонов носил фотографию сынишки. Вот так и отдал свою жизнь отец за счастливое будущее сына. Отдал геройски свою молодую жизнь. Вырастет ли сын таким же сильным духом, будет ли готов по зову Родины выполнить ее боевой приказ? Иначе, думаю, и не может быть.

Двадцать лет прошло. Волны Цимлянского моря тихо плещутся у могилы Миши Самойлова и Васи Леонова. Они и сейчас у меня перед глазами, мои незабываемые боевые друзья. Здоровяк с огромным черным чубом, никогда не унывающий Миша Самойлов был любимцем солдат. Бывало, в минуты отдыха соберет бойцов и затеет с ними борьбу, раскидает сразу троих, четверых и заразительно смеется: «А ну, кто еще хочет, подходи!» Надоест — посадит всех в кружок и читает письма жены. Небольшого, коренастого, с льняными волосами и голубыми глазами Васю Леонова уважали

друзья за скромность и рассудительность, за беспредельную смелость в бою.

Утром 8 августа бой разгорелся с новой силой. Враг под прикрытием авиации непрерывно бросал свою пехоту на наши позиции, дрались стойко бойцы, окруженные со всех сторон. Они не раз бросались в рукопашную. Часть танков из той лавины, что двинулась в сторону Калача, прорвалась в район железнодорожного моста. Мы получили приказ вырваться из окружения, отойти к Дону. С жестокими боями мы прорывались в тот жаркий день. Автоматчики преследовали нас по пятам. Командир дивизиона на каждом удобном рубеже развертывал подразделения к бою, огнем мы поддерживали нашу пехоту, расстреливая картечью нагло рвущихся вперед фашистов. В этом бою впервые за много дней мне довелось все время быть рядом с капитаном. Михаил Иосифович не жалел себя — раза четыре он сам водил в контратаку нашу пехоту.

На высокой насыпи, у самого въезда на мост, рвались снаряды и мины, горели смолистые шпалы. Фашисты подожгли несколько наших танков, и они преградили нам путь. Из четырех оставшихся пушек нам удалось переправить только две. Комдив приказал уничтожить всю оставшуюся технику. Мы спустили под откос автомашины и две «сорокопятки»; машины сожгли, а пушки закатили в воду, в Дон.

С большим трудом пробрались мы с капитаном Богдановичем, Степаном Кухтой и Алексеем Очкиным на мост по боковой лестнице и побежали по горящему настилу. Над металлическими фермами моста рвалась шрапнель, с высоты по нему вели огонь фашистские танки, а на противоположном конце полковник Сологуб, не обращая внимания на бушевавшую кругом смерть, встречал каждого перебегавшего бойца.

В глубоких глазах Ивана Петровича была огромная печаль. Там, за Доном, остался в окружении полк. Но взрывать мост нужно, взрывать срочно, потому что фашисты в любую минуту могли захватить важную переправу. Тяжелая ноша легла на плечи комдива, очень тяжелая.

— Командиров и бойцов всех переправили, технику всю переправили? — спросил комдив и, получив наш утвердительный ответ, спустился с насыпи в ровик.

Короткая команда саперу. Через несколько секунд раздался сильный взрыв, и огромный мост взлетел на воздух, повис как бы на мгновение и затем рухнул в воду.

Долг воина

Как только луна скрылась, разведчики двинулись из прибрежных кустов. И темная вода, и фермы железнодорожного моста, и все, что было по ту сторону, таило неизвестность и настораживало. Оттуда, с высокого правого берега, периодически строчили вражеские пулеметы, иногда вспыхивали ракеты.

У лодки мы простились. Обнялись со Степаном Кухтой; самые старшие из бойцов Черношейкин и Пивоваров деловито пожали мне руку, будто они не в разведку шли, а расставались, как обычно, после заседания партбюро. Коммунист Пивоваров возглавлял группу обеспечения. «Жизненная мудрость и боевой опыт старого коммуниста сцементирует эту отважную группу»,— так рассуждал я, когда мы отбирали бойцов в разведку. Коля Смородин и его тезка Граждетский торопливо распростились и прыгнули в лодку, им не терпелось

быстрее отплыть и действовать; Саша Медведев, самый здоровый из всех, сжал мою ладонь обеими руками так, что я не позавидовал тому, кто попадется на его пути. Саша уходил в тыл врага кандидатом партии. Только сегодня рассмотрели его заявление: «На опасное задание хочу идти коммунистом, — писал комсомолец. — Если со мной что случится, считайте меня членом большевистской партии».

Командир разведки лейтенант Очкин садился в лодку последним.

— Ну, Алеша, гляди... — обнял я его за плечи и притянул к себе.

— Все будет в порядке, товарищ комиссар, — ответил он шепотом.

Я оттолкнул лодку разведчиков от берега, постоял, пока она не растаяла в темноте и не затих осторожный плеск весел. Потом зашагал к кустам, спустился в траншею и закурил папиросу, которой угостил меня один из моряков.

Бригада морской пехоты, наш сосед слева, занимала район обороны от взорванного моста и ниже по Дону. Когда мы с лейтенантом Очкиным приехали к комбригу и доложили, что комдив Сологуб приказал вести разведку в районе моста, чтобы узнать судьбу окруженных частей армии и наших подразделений, которые прикрывали отход дивизии, комбриг очень радушно встретил нас.

— Знаю, — сказал он, — с вашим комдивом мы говорили по телефону. Чем богаты, всем поможем.

Моряки предоставили разведчикам свои наблюдательные пункты, познакомили с имеющимися сведениями о противнике, размещением его огневых точек, дзотов, артбатарей. Они дали нам и лодку, пригнанную из соседнего хутора, расположенного ниже по Дону.

Сведения, полученные у морских пехотинцев, разведчики проверяли сами, наблюдая целый день в стереотрубу; определили, когда у врага бывает завтрак, обед, ужин; когда сменяет противник своих дежурных у огневых точек; как соединены блиндажи с траншеями и огневыми точками.

Кажется, все было изучено, люди отобраны самые опытные, боевые и проверенные не в одном бою, а я все равно волновался. Это было серьезное задание командира дивизии. Помню, как он мне звонил не раз после того, как все уже было подготовлено, и мы ожидали только темной ночи, чтобы отправить разведчиков.

— Слухай, комиссар, ты разумиешь, что предстоит твоим хлопцам? Надо ж узнать судьбу наших. Иначе, как же мы в гости пойдем...

Полковник Сологуб имел в виду, что после того, как будет произведена разведка, мы должны будем предпринять высадку десанта, чтобы помочь частям и отдельным группам выйти из окружения.

— Пусть сынки действуют умненько, осторожно. Понял, комиссар?

— Понял, товарищ первый, понял, — успокоил я комдива, — ребята — на подбор. Если что и произойдет — будут стойкими и упорными до конца.

Вместе со мною проводить разведчиков приехал Ваня Федоров. Пора было возвращаться в часть, но он ни за что не хотел ехать.

— Вот вернется лейтенант, и я приеду с ним, — упорно стоял он на своем.

Моряки упросили меня оставить у них пока Ваню, обещая следить за ним, чтобы не вздумал переплыть на тот берег. Разведчики в эту ночь проникли через траншеи фашистов и пробрались в хутора Рычковский и Ново-Максимовский, прошли далеко вдоль железной дороги по направлению к станции Суровикино и побывали в прилегающих хуторах. Из опроса местных жителей им не удалось узнать что-либо о пропавшей части. Подразделения нашего полка как в воду канули. Весь день группа Очкина провела в тылу врага; просочившись ночью через оборону противника, вернулась к рассвету следующего дня на левый берег без потерь.

Первая разведка дала ценные сведения о сосредоточении и передвижении частей противника. Разведчики сообщили, что крупные соединения вражеских мотомехчастей двигаются от Суровикино на северо-восток. Потом эти данные подтвердились. 19 августа гитлеровцы форсировали Дон в районе хутора Вертячий и устремились острием бронированного тарана к Волге. Наша разведгруппа переправила с той стороны оружие: винтовки, противотанковые ружья и пулеметы, снятые с наших танков на дамбе у моста. В одном из танков Алексей нашел перископное зеркальце из нержавеющей стали и сунул его в карман гимнастерки, где лежал комсомольский билет. Потом это зеркальце и спасло ему жизнь.

По телефону с командного пункта морской бригады Очкин доложил Сологубу, что поиски части, видимо, надо вести выше по Дону. Комдив согласился с этим.

Несколько раз разведчики переправлялись выше по течению Дона. Всякий раз Ваня Федоров провожал своего лейтенанта и дожидался его возвращения на левом берегу, в окопах бойцов. Однажды группа Очкина не вернулась в назначенный срок. Ваня не спал первую ночь, не спал весь следующий день, не сомкнул глаз и во вторую ночь. Серьезно заволновались и в дивизии. Меня вызывал к телефону полковник Сологуб и с беспокойством задавал один и тот же вопрос: «Вернулся лейтенант?»

А разведчики не возвращались вот почему. Пробравшись через оборону гитлеровцев, они углубились на рубеж речки Лиски. Жители хуторов рассказывали, что только накануне какая-то часть вела здесь ожесточенный бой и остатки ее отошли на восток. Потом удалось выяснить, что это дрались в окружении группы бойцов и командиров соседних дивизий. За ночь и часть дня удалось обследовать большой район, но нигде не было следов подразделений нашего стрелкового полка. С темнотой разведчики стали пробираться к Дону. Вышли примерно в тот же район, через который проходили в тыл. На линии обороны фашистов было большое оживление, гитлеровцы буквально кишели роем. Всю ночь ползали разведчики вдоль вражеской обороны, искали, где бы перебраться. Только под самое утро им удалось проползти к берегу, и рассвет застиг отважную группу у самых вражеских дзотов. Гитлеровцы-офицеры и солдаты, выбравшись из блиндажа, ели арбуз. Просто удивительно, как нашим бойцам удалось в этом месте незаметно перейти траншеи. Но теперь, когда рассвело, им пришлось распластаться рядом с фашистской обороной в низеньких кустиках. Офицер бросил арбузную корку, угодив в Степана Кухту, и вместе с солдатами отправился назад. Разведчики отползли на песчаную отмель. Утренний туман рассеялся, и открылась страшная картина... У самой реки и на крутом обрыве лежали наши павшие воины. Бойцы, прижатые к Дону, отчаянно сопротивлялись и, как один, геройски погибли. Кругом открытое место. Лейтенант Очкин принял решение залечь между убитыми — это и спасло разведчиков. Гитлеровцы не собирались хоронить наших бойцов и не подходили к трупам.

Выдался очень жаркий день. Разведчики лежали на раскаленном песке, на самом виду, рядом с фашистскими блиндажами. Нестерпимо пекло. Тяжелый смрад. За спиной, в нескольких шагах, прохладная река, но пошевелиться нельзя. В полдень Степан Кухта почувствовал, что его хватит солнечный удар. Он прижал голову к плечу, сдвинул пилотку на затылок. И вдруг из амбразуры дзота высунулась рука гитлеровца с парабеллумом. То ли увидел фашист, что «убитый» боец пошевелился, то ли садисту просто наскучило сидеть. Он долго целился. И каждому, кто видел этот пистолет, казалось, что это в него целится фашист. Раздался выстрел, и пуля попала в голову убитого бойца. Вторая обожгла Алексею ногу, в сапог натекло много крови. Но Алеша терпел и не подавал виду, что ранен. Весь жаркий день пролежали разведчики под палящим солнцем, на горячем песке, а с темнотою сползли к Дону и долго не могли оторваться от воды...

Кухта Степан Сергеевич.

Из этой разведки, кроме оружия, они принесли ок-

рованленные партийные и комсомольские билеты, красноармейские книжки. Тогда, наконец, мы узнали судьбу полка, который прикрывал отход дивизии и остался в окружении. Кроме небольшой группы, которая прорвалась в район станицы Пятиизбянской и переправилась через Дон, остальные бойцы полка погибли при прорыве к Дону.

Трудно передать радость Вани, когда он увидел лейтенанта Очкина с разведчиками. Сдержанный на проявление чувств, он стремительно бросился к лодке и обнял старшего братишку.

— Я сам, товарищ комиссар, повезу своего командира в медсанбат, — заявил мне Федоров.

В этом я не мог ему отказать и разрешил сопровождать на машине Алексея, передать его врачам и вернуться к утру. Они вернулись оба еще этой ночью. Ранение у Алеши оказалось легким, и, когда его положили в палатку, он шепнул Ване, чтобы тот находился с машиной поблизости. Как только дежурная сестра вышла, Очкин убежал и приехал в часть. Вернулся лейтенант к самому горячему делу...

Готовился десант на правый берег Дона в районе хутора Скиты. Десантники должны были захватить плацдарм на правом берегу, расширить его, чтобы помочь выйти из окружения частям и соединениям нашей армии. Для совместных действий со штурмовым батальоном нам было приказано выделить взводы лейтенантов Очкина и Коваля. Наш выбор на лейтенанта Коваля пал неслучайно. Ваня Коваль, молодой, белокурый паренек с Черниговщины, на фронте был с первого дня войны, в бою смел и удивительно спокоен. «Невозмутимый» — любовно прозвали его бойцы. Ходил он не спеша, вразвалочку, был каким-то медлительным, но во всем аккуратным и старательным.

Командир дивизии сам руководил боем по захвату плацдарма. Его КП находился у самого берега реки. Накануне полковник вызвал к себе всех командиров и комиссаров частей.

Снова комдив был бодр и даже, как мне показалось, весел. Он провел с нами подробный разбор боев за Доном. Затем поставил задачу на проведение десантной операции.

— Теперь, товарищи, по местам. Желаю успеха, — Иван Петрович лукаво блеснул синими глазами и добавил:

— Некоторые считают, что дивизии уже нема. Враки все это. Да, мы потеряли немало людей, но мы только начинаем драться и дойдем еще до Берлина!

От могучей фигуры Сологуба веяло спокойствием и уверенностью, и эта уверенность комдива невольно передавалась нам.

И кто из нас думал тогда, что эта встреча с Иваном Петровичем будет последней...

Ночами в примыкавшую к Дону рощу были подтянуты средства переправы: плоты, понтоны и привезенные с ближайших станиц Ляпичево и Красный Дон лодки. Все приготовления старались сделать скрытно, и бойцов к берегу вывели с наступлением темноты. Но только спустили на воду переправочные средства, как Дон и опушка леса осветились ракетами, застрекотали пулеметы, артиллерия и минометы стали ожесточенно обстреливать наш берег. Фашисты не жалели ракет — стало светло, как днем. От разрывов мин и снарядов река забурлила, покрылась фонтанами. Полковник Сологуб решил продолжать форсирование. Артиллеристы оттолкнули от берега плоты с орудиями, бронебойщики Коваля заняли места в лодках и поплыли рядом.

Как мне хотелось быть с моими истребителями, вмес-

те с ними идти в бой! Смотреть было тяжелее — твои товарищи под жестоким огнем, кто-то из них, может быть, уже ранен, а то и убит. Но мы с капитаном Богдановичем имели приказ Сологуба оставаться с дивизионом в резерве комдива. Я хотел было пойти в политотдел и попроситься на ту сторону, но капитан отговорил: — раз приказ Сологуба, то бесполезно. И вот теперь я сидел в ровике вместе с Михаилом Иосифовичем и грыз ногти. «Достигнет ли кто из наших вражеского берега?» Фашисты, казалось, в эту ночь выпустят весь запас ракет, мин и снарядов.

Весь десант достиг того берега и закрепился вначале на песчаной полоске, а потом пехотинцы выскочили на прибрежные холмы. Было хорошо видно в бинокль, как две «сорокопятки» лейтенанта Очкина у самого обрыва палили картечью по фашистской пехоте, сожгли двинувшиеся было три танка. Бронебойщики Коваля лежали недалеко от орудий и вместе с автоматчиками прикрывали фланги. Когда прибыли первые раненые, они рассказали, как артиллеристы и бронебойщики забросали гранатами фашистов, а лейтенант Очкин с другими бойцами в это время выдвинули на обрывистый берег пушки и бронебойки. «Теперь наших оттуда ничем не сковырнешь!» — говорили еще возбужденные боем раненые и просили разрешения остаться хоть на этой стороне, но их тут же отправляли в медсанбат.

Спустился с дерева ординарец Богдановича и доложил, что к плацдарму начали подходить большие силы фашистов. Об этом уже знал полковник Сологуб и приказал подтянуть другой батальон с тем, чтобы переправить и его. В это время начала действовать авиация гитлеровцев. Стервятники налетели целой стаей и стали пикировать на позиции, захваченные нашими бойцами за Доном. В полдень враг начал сильные контратаки на

наш штурмовой отряд, пытаясь сбросить его в Дон. Наша пехота ожесточенно сопротивлялась. Истребители и бронебойщики сожгли и подбили еще четыре танка. Кто-то умудрился даже из противотанкового ружья сбить самолет противника. Но перед натиском превосходящих сил фашистов нашим трудно было держаться. Пехотинцы из штурмового отряда отошли к берегу. Там же, у самого обрыва, отчаянно сопротивлялись бойцы наших взводов. Бомбой было разбито орудие, противотанковых ружей осталось вдвое меньше. Кто-то передал, что у нас убит один из лейтенатов. По приметам было похоже, что убит Алексей Очкин, а остался в живых лейтенант Коваль. У орудия осталось всего двое — Кухта и Черношейкин. Весь день на плацдарме кипел бой, казалось, никого в живых не осталось.

Полковник Сологуб сам руководил переправой батальона. Когда часть бойцов начала переправляться, фашисты усилили обстрел. Комдив видел в бинокль, что на той стороне наших теснили, вот-вот могут сбросить с крутого берега. Иван Петрович вышел из окопа и сам отправлял подразделения на ту сторону. Воины видели рядом полковника и быстро отплывали, несмотря на вражеский огонь. Уже почти весь батальон был переправлен, как недалеко от дерева, возле которого находился комдив, оглушительно разорвалась мина, и Сологуб был смертельно ранен в голову. Он продолжал командовать до тех пор, пока не потерял сознание. Его отвезли в медсанбат.

Скоро вернулась сопровождавшая полковника медсестра и сообщила, что самому лучшему нашему хирургу не удалось спасти Ивана Петровича Сологуба, который, не приходя в сознание, умер.

На той стороне бойцы узнали о гибели своего любимого комдива и дрались еще ожесточеннее. Батальон

с остатками отряда, несмотря на превосходство противника, не только удержал рубеж, но сломил сопротивление фашистов и расширил плацдарм до трех километров в глубину. По направлению к хутору Скиты, захваченному нашими бойцами, стали с боем выходить отдельные группы и остатки частей нашей армии. Севернее и южнее, там, где фашисты сняли с обороны большую часть своих солдат и бросили в бой на захваченный нами плацдарм, также облегчилась задача нашим товарищам по оружию вырваться из вражеского кольца.

Многие бойцы и командиры, выходившие из окружения, были ранены. Почти в течение трех суток мы удерживали захваченные позиции за Доном и помогли выйти многим сотням бойцов и командиров армии из окружения.

Нам было тяжело — погиб любимый комдив; он сделал все, чтобы как можно лучше выполнить боевой приказ, и не бросил в беде другие дивизии, оставшиеся за Доном. Многие из этих дивизий потом дошли до Берлина.

С темнотою, как всегда, появился повар, и с ним, конечно, Ваня Федоров. Парнишке мы не разрешили участвовать в этом бою. Весь день он был с нами на берегу, несколько раз порывался на ту сторону, всем изрядно надоел, и капитан Богданович, в конце концов, приказал ему идти на кухню помогать готовить обед. И теперь Ваня прибыл вместе с кухней. Они накормили наших бойцов в роще, переложили оставшуюся кашу из котлов в термосы и собрались на ту сторону.

— Никуда не поедешь, — сказал я ему, — ожидай нас здесь.

Мне не хотелось брать мальчишку на тот берег, чтобы он видел убитого лейтенанта Очкина.

— Как готовить обед, так ступай Федоров на кухню! А раздавать — другие! — буквально чуть не взвыл Ванюшка, — не выйдет! Не возьмете в лодку, поплыву так. Мой взвод сражается, лейтенант мой там, а вы меня не пускаете. Я буду раздавать обед, что хотите... Должен я повидать своих и моего лейтенанта.

Сергеенко Николай Прокофьевич.

Не взять Ваню было невозможно, он все равно переплыл бы реку. Я приказал ему находится при мне, и когда переправлялись, все думал, как же подготовить его к тому, что убит его командир. Он сильно привязался к Алексею, и я беспокоился, как мальчишка перенесет такой удар. На правом берегу меня встретил Сергеенко и сказал, что он, по приказу командира взвода, следует на ту сторону, чтобы быстрее доставить поесть и чтобы пополнить запас боеприпасов.

— Тебе кто приказал? — осторожно переспросил я его, — лейтенант Очкин или Коваль?

— Да лейтенант Очкин, — настойчиво повторил

сержант. — А Коваль, вот он, пришел напиться.

— Стой здесь, — приказал я Федорову, подошел к Ковалю и тихо спросил:

— Слушай, Ваня, жив Алексей?

— Та жив, — весело сказал Коваль, — ну, ранило и все. Я ему говорил переправиться на перевязку — не хочет. Роет огневую для «сорокопятки» с бойцами. У меня забрал два ружья, когда моих четырех тяжело ранило. Понравились ему ПТР.

— А мы слышали, что его убило.

— Та не. Мы сами так думали. Он пополз к моим бронебойщикам, когда тех ранило. Ну и залег, будто убит. Раненые, видно, и передали. А потом, когда фашисты двинулись, он с бронебойщиками танк подбил.

Облегченно вздохнув, я приказал повару взять один термос и идти с лейтенантом Ковалем к бронебойщикам, а другой понес с Ваней Федоровым к истребителям.

— Может, хватит рыть, — услышал я недовольный голос Черношейкина, — вы еще заставите рыть окопы полного профиля.

— Если надо, и заставлю, — раздался в ответ знакомый голос, и Алексей шутливо добавил: — Ты брось мне ныть, а то усы повыдергиваю.

Истребители с аппетитом ужинали. Ужин был и завтраком и обедом, потому что ели они последний раз перед самой высадкой десанта, почти сутки назад. Потери у артиллеристов были значительно меньше, чем у других. Черношейкин, хотя и ворчал на командира взвода, но с восторгом рассказал мне, что лейтенант придумал новый «способ войны». Оказывается, они заранее подготовили снаряды, и при атаке танков у пушек оставались только по двое — наводчик и заряжающий. А остальные в это время вели огонь в ровике из автоматов, готовые в любую минуту заменить выбывших из строя у орудий.

Ваня Федоров заговорщически вытащил из-за пазухи флягу с водкой и протянул ее лейтенанту. Алексей был равнодушен к спиртному; он смочил водкой тряпку и наложил на раненую руку, а потом отдал флягу Черношейкину, чтобы тот разделил всем поровну.

— Немедленно иди на тот берег, Алеша: заражение будет.

— Товарищ комиссар, эта царапина заживет без медсанбата. А пойду на ту сторону, может и по-настоящему ранить.

Начался сильный минометный обстрел нашей лодочной переправы, и я дал команду переждать с эвакуацией раненых.

Все части армии, кроме нашего полка, оставшегося тогда под Ново-Максимовской, по предположению, вышли из окружения. Поступил приказ сниматься с плацдарма. Тут и случилось большое несчастье.

Перед наступлением темноты фашисты обычно сильно бомбили. На этот раз авиация налетела на наши части, укрытые на левом берегу. Мы с капитаном Богдановичем сидели в окопе, когда увидели, как мечется по берегу какой-то командир, стараясь найти укрытие.

— Давай сюда! — крикнул Богданович, — сюда давай!

В окопе собралось много народу, и подбежавший не знал, куда прыгнуть ему в узкое укрытие. Капитан быстро вылез из ровика и толкнул командира на свое место.

Бомбы разорвались где-то рядом. Я приподнялся в окопе, отплевываясь песком и грязью, еще не совсем понимая, что произошло.

— Михаил Иосифович! — крикнул я. — Капитан!

Богданович не откликался; он лежал навзничь, раскинув руки; в нескольких метрах от него еще дымилась большая воронка. Все произошло так быстро и неожи-

данно, что я сразу и не сообразил, что командир дивизиона лежит убитый.

Вечером, когда переправились с плацдарма, я, начальник штаба, Алексей Очкин и Степан Кухта приехали за нашим капитаном. Мы привезли Михаила Иосифовича в хутор Красный Дон и похоронили там на окраине. Удачные боевые действия по высадке десанта были омрачены непоправимым горем. В те дни мы потеряли наших любимых командиров Ивана Петровича Сологуба и Михаила Иосифовича Богдановича. У нас навсегда сохранилась память о требовательном капитане, который нас готовил к боям, учил, как побеждать врага, вместе с которым мы получили боевое крещение и выдержали всю тяжесть первых жестоких боев. После гибели Михаила Иосифовича осталась планшетка, я пронес ее всю войну и недавно вручил его дочери Галине Михайловне Богданович.

Советский воин в плен не сдается

В степи тишина... Ни единого выстрела, будто и войны нет. Только отдаленный глухой гул где-то на северо-востоке и зловещее зарево, повисшее над самым горизонтом, напоминали о действительности.

Степан Кухта шагал рядом со мной и осторожно светил под ноги карманным фонариком. Батарейка села, и слабый, желтоватый луч едва-едва пробивал густую ночную тьму.

Только что мне доложили: последняя автомашина с орудием, наконец, вытянулась на проселок. Нужно было проверить готовность к маршу и тогда можно дать команду.

Подошли к колонне. Бойцы собирались кучками между машин, вполголоса разговаривали.

— Хлопцы, не иначе в Сибирь на пополнение. Эх, поедим пельменей! — шутил какой-то боец.

— Это Коля Смородин. Ишь размечтался, — шепнул мне Степан.

— Э-э-э, куда хватил, только тебя там и ждали! — узнал я басок Васи Зайцева.

— Видел, на берегу никого не осталось, — тревожно вставил Граждетский, — это неспроста.

— Неспроста, — оборвал его Черношейкин. — Начальство оно знает, что к чему.

— Товарищ комиссар, почему отходим? — заметив меня, спросил старый боец.

Что я мог ответить? Здесь, на левом берегу Дона, у нас была крепкая оборона, и все попытки врага форсировать реку на нашем участке кончились для него неудачей. Я сам не понимал — зачем без боя оставляем прочную оборону, и отвечал бойцам, что нас перебрасывают на другой участок, где мы нужнее.

А приказ, который мы получили так неожиданно, гласил: срочно сняться и немедленно выступить в стокилометровый марш. К рассвету быть в Карповке, а к утру 31 августа — под Гумраком.

Всю ночь двигались безостановочно. Справа и слева от нас где-то тревожно гремела канонада. Только на рассвете, когда были уже в Карповке, мы узнали, что уходим последними с участка фронта, уходим замыкающими по узкому коридору, который фашисты могли захлопнуть в любой момент, и мы остались бы в плотном кольце окружения. Оказывается, противник еще более недели назад вышел к Дону, в районе хутора Вертячий

форсировал реку и мощным бронированным тараном к исходу 23 августа прорвался к Волге у поселка Рынок, где теперь начинается плотина Волжской ГЭС имени XXII съезда КПСС. А с юга 4 танковая армия гитлеровцев устремилась на соединение с частями фашистов, прорвавшими нашу оборону севернее. Нас брали в клещи. Вот поэтому так и торопили дивизию с отходом.

Наш истребительно-противотанковый дивизион отходил в арьергарде. Мы должны быть готовыми развернуться и открыть огонь по танкам. И мы не раз занимали боевой порядок, а юго-западнее Карповки были вынуждены вступить в бой с танками, прорвавшимися со стороны Россошки. Там же вели бой батареи нашего артполка, часть из них, окруженная танками и пехотой, потом не смогла прорваться на восток.

Самыми последними двигались истребители из взводов лейтенантов Очкина и Коваля. Совместно с пехотинцами мы назначили разведчиков в боковые дозоры и тыльную походную заставу, держали постоянную связь со стрелковым полком, с которым вместе двигались. Эти меры предосторожности исключали внезапное нападение фашистских передовых подразделений, которые уже от Карповки стали обстреливать нас из засад.

После ночного боя с танками я остался во взводе Очкина и ехал на машине вместе с ним и Ваней Федоровым, который, наконец, добился давно желаемого — его зачислили во взвод подносчиком снарядов. Я замечал, что паренек еще больше привязался к своему воспитателю и не отходил от него ни на шаг. Больше всего он волновался, когда его лейтенанта вызывало начальство — вдруг пошлют куда-нибудь его командира, а он, Ваня, останется. Федоров держал командирский котелок у себя и получал обеды у повара на двоих. Приказы своего лейтенанта Ванюшка выполнял старательно, бе-

гом, и просто удивительно — я даже не заметил в боевой сутолоке, — как мальчуган быстро овладел обязанностями всех орудийных номеров, хорошо знал устройство пушки.

Дружба командира с юным бойцом меня очень радовала. Я видел, что Алексей стал строже и требовательнее к себе. Если раньше он иногда очень рисковал жизнью, то теперь шел на риск больше по необходимости. В отношениях с Ваней он старался держаться строго, но трогательно заботился о нем, словно о младшем братишке, и спуску ему ни в чем не давал. Он не выделял его среди других бойцов, те же требования предъявлял, что и ко всем, особенно попадало Ване за дерзость взрослым. Однажды я оказался свидетелем такой сценки.

Когда уже трогались на марш и Федоров залезал в машину, Черношейкин попросил его сбегать еще раз и проверить — хорошо ли залиты головешки от костров. Пожилой боец не очень надеялся на свои глаза.

— Тебе приказал сержант Кухта, — огрызнулся Ваня, — ты и беги!

Услышав это, тут же набросился на него Алексей Очкин, и досталось же парню по первое число.

— Ты думал, фронт тебе анархия! Сел зайцем в эшелон, взяли тебя на войну, ты и будешь по-своему воевать, как захочешь! Я тебя не только на кухню, а в детский сад отправлю!

Стоял Ваня и кусал губы от стыда. Еще бы! Командир, дружбой с которым он иногда любил и прихвастнуть, ругает его, словно мальчишку. Но от своего лейтенанта он все мог стерпеть. Теперь они мирно сидят рядышком, и Ваня Федоров слушает, как мы с Очкиным говорим о комсомольских делах. Зашел вопрос о членских взносах. После того, как утихли беспрерывные

жаркие бои, которые шли весь конец июля и половину августа, политотдел потребовал ведомости уплаты членских взносов. Алексей вчера их собрал и понес в политотдел. Но там сказали, что не все уплатили взносы. Убитые и выбывшие по ранению комсомольцы в политотделе не были сняты с учета — мы не успели сообщить о всех потерях. Комсорг не стал спорить, вернулся, сам уплатил, вытащив свои деньги из планшетки, и расписался за всех. Тогда в политотделе еще больше возмутились и вызвали меня. Вот об этом я и выговаривал своему комсоргу, дела которого вообще-то одобрял и к тому же ценил его личную смелость.

— Ну, теперь у нас только Ваня вне комсомола, — заметил я, переменив тему разговора.

— Разрешите, товарищ лейтенант, слово, — произнес Федоров, он после вчерашнего еще боялся разговаривать с Алексеем, а теперь подбодрился, наверное, тем, что и его командиру попало.

— Я не старший здесь по званию, и к тебе же комиссар обращается, — рассмеялся Алексей и обнял Ваню за плечи.

Юноша был доволен, что его вчерашний проступок забыт командиром, и весело ответил мне:

— Вот я и говорю лейтенанту, примите в комсомол, а он все: «тебе комсомол — не проходной двор, заслужи раньше!» А как я заслужу. В разведку не пускают, стрелять самому не дают из пушки!

— А ты знаешь, братишка, почему тебя не принимают?!

Ваня приложил руку к пилотке и бойко отчеканил:

— Все знаю, товарищ лейтенант, есть исправить свой дрянной характер и уважать старших, — он повернулся к Черношейкину, сидящему спиной к нему на снарядном ящике, стал в кузове во весь рост и выпалил:

— Товарищ ефрейтор, простите рядового Федорова за вчерашние пререкания.

— И мою грубость, — добавил лейтенант Очкин.

— Ну, и простите, товарищ ефрейтор, что на басах с вами говорил, — весело добавил Ваня Федоров.

Машину тряхнуло, Ваня не удержался и упал на Черношейкина. Все засмеялись.

Мы ехали медленно, на малом газу, с частыми остановками. Догоним хвост колонны нашей пехоты, останавливаемся. На одной из таких остановок командир стрелкового батальона попросил взять на машину девушку-санинструктора, которая не могла идти. Втащили ее в кузов полуторки, Алексей подвинулся, уступив ей место рядом. Ване не понравилось, что кто-то сел между ним и лейтенантом.

— Пусть она на мое место, товарищ лейтенант, — сказал он недовольно и поднялся.

— Сиди, — дернул его за гимнастерку Алексей. Расстроенный Ванюшка опустился на ящик и проворчал:

— И зачем только баб берут на войну. Ходить и то не умеют. Как чуть, ноги натерла.

— Федоров, — строго одернул его лейтенант Очкин, — молчать.

— Есть замолчать! — ответил Ваня и отвернулся.

«Какая сильная привязанность у паренька к Алексею, — подумал я. — Он даже ревнует его ко всем».

В Карповку мы вступили уже на рассвете. Улицы безлюдны. Дома разбиты. На выезде мы встретились с нашими танкистами. Новенькие Т-34 радовали глаз. Мотомехкорпусу вместе с нашей дивизией было приказано отразить бронированный удар фашистов, если гитлеровцы нанесут его по нашим отходящим частям. С раннего утра 30 августа под Карповкой разгорелся сильный бой.

Фашисты стремились сорвать перегруппировку на-

ших частей и бросили большие силы авиации. Наши танки из мотомехкорпуса скопились на открытой равнине. Мы же успели развернуться к бою, рассредоточиться, а все наши обозы втянулись в балку Яблоневую. Весь первый бомбовый удар пришелся по мотомехкорпусу. Многие из наших танков, еще не вступив в бой, были уничтожены тяжелыми бомбами. Весь день мы вели непрекращающийся бой с фашистскими передовыми частями. Несмотря ни на что, фланговый удар гитлеровцев был отбит, и наша дивизия с мотомехкорпусом дала возможность соединениям армии отойти на заранее подготовленные рубежи. Наши танкисты (те, которые уцелели после налетов вражеской авиации) смело вступили в бой с прорвавшимися фашистскими машинами, истребители дружно поддержали танкистов. Мы вместе уничтожили и подбили около четырех десятков танков противника. Остальные не смели больше атаковать.

Снова отличился орудийный расчет сержанта Кухты. Он сжег две бронемашины, подбил три фашистских танка и мотоцикл с пулеметчиками. Известно, что в бою личный пример партийного вожака — прежде всего. Степан Кухта в совершенстве овладел военным делом. Давно пропала его мешковатость, в подтянутом сержанте трудно было узнать солидного директора. Он уверенно командовал орудием, и, конечно, боевые удачи его расчета не были случайны.

Бронебойщики с Пивоваровым во главе умудрились на колесах от повозок укрепить противотанковые ружья и вести огонь по самолетам гитлеровцев. Сбить не сбили самолет, но не дали им так нахально крутить «карусель» над нашими позициями.

Солнце скрылось за горизонтом, авиация противника улетела. Бой стих. Начальник артиллерии Годлевский приказал нашему дивизиону срочно сниматься и дви-

гаться через Яблоневую балку в район Гумрака и занять оборону на танкоопасном направлении.

По балке Яблоневой двигалось много частей. Укрывшиеся на день обозы теперь снялись с мест, выползли из отрогов балки.

И вдруг совершенно неожиданно в небе появились десятки фашистских самолетов. В такое время никогда не появлялась вражеская авиация. Фашисты всеми силами хотели задержать и не пустить нас к Гумраку, где собирались сомкнуть клещи.

Неожиданным был этот налет. Я крикнул «воздух», когда уже посыпались бомбы. Ехал я на машине замыкания и видел, как из кабины впереди идущей машины мне махнул рукой Алексей, чтобы мы влево рассредотачивались, а он на своей машине повернул вправо. В свисте и грохоте бомб командиры орудий дали команду расчетам прыгать с машин — это у нас было заранее отработано в случае воздушного налета.

Мы с Ваней Федоровым залегли в сухом русле ручейка и видели, как с машины лейтенанта Очкина быстро спрыгнули бойцы. Алексей с шофером тоже бросился из кабины в укрытие, но тут же он побежал назад. В машине осталась девушка-санинструктор. Она целый день провела с нами в бою, оказывая помощь раненым. Девушка почему-то не могла вылезти из кузова, видимо, растерялась.

Сбросив бомбовый груз, «юнкерсы» на бреющем полете расстреливали из пушек и пулеметов все живое. В машине — ящики с боеприпасами. Казалось, вот-вот пулеметная очередь угодит в ящики, взорвутся боеприпасы, и погибнет девушка.

— Понабирали этих баб на войну, и лейтенант мой теперь погибнет из-за такой! — неожиданно выругался у меня над самым ухом, крепко, по-мужски, Ваня. И не

успел я ему сделать внушение, как он сорвался и побежал.

Лейтенант Очкин с разбегу прыгнул на колесо полуторки, выхватил девушку из кузова и, вместе с подбежавшим Федоровым, опустил ее на землю. Только они отбежали десятка два шагов и скатились в канавку, как раздался взрыв. Пулеметная очередь «юнкерса» угодила в ящики снарядов — от машины и пушки остались только груды металла и щепок.

В канаве, где залегли Алексей, Ваня и девушка, происходила какая-то возня. Потом я узнал, что мальчишке задело осколком по мягкому месту, и он ни за что не хотел, чтобы девушка делала ему перевязку, и ей пришлось действовать приказным порядком через лейтенанта. Сама девушка была ранена в бедро еще во вчерашнем ночном бою, поэтому и не могла выбраться из машины. После оглушительного взрыва откуда-то из оврага выскочил испуганный вороной конь и бешено заметался по балке, перескакивая через людей. Трассирующие пули строчили рядом и убили бойца обоза. Лошадь шарахнулась в сторону, но тут не вытерпел кто-то и, бросившись к ней, ловко вскочил верхом. Вороной почувствовал седока и послушно поскакал в один из отрогов балки. Седоком оказался Алексей Очкин, который взял потом себе этого строевого коня.

В Яблоневой балке от непрерывной бомбардировки с утра и вечернего неожиданного налета было очень много убитых. Мы в истребительном дивизионе тоже потеряли в этот день немало своих воинов. На место выбывших командиров взводов назначили командиров орудий, лейтенанта Очкина назначили командиром батареи.

Тогда мы не знали, что наши бои под Карповкой имели большое значение. Задерживая фашистов, отходя с боями в арьергарде армии, наша дивизия помогла эвакуировать материальные ценности из города Калача, дала возможность нашим частям занять оборону под Гумраком, Орловкой, Городищем, чтобы в боях на ближних подступах к Волге изматывать и уничтожать противника.

Под Гумрак мы прибыли своевременно. Дивизион занял оборону в боевых порядках стрелкового полка, в центре. Противник крупными силами танков прорвался на флангах и почти взял в клещи. Только наступление темноты помешало фашистам окончательно окружить и уничтожить нас. Отходить в очень узком, простреливаемом коридорчике нельзя, все погибнем, да мы и не имели права отходить. Только утром мы получили приказ нашего фронта. «Ни шагу назад!» — говорилось в нем. Военный совет фронта требовал «от всех бойцов, командиров и политработников беззаветной храбрости, стойкости и геройства в борьбе с зарвавшимся врагом».

Мне было ясно, что предстоит жестокий, решающий бой, в котором мы должны быть готовыми умереть, но не пропустить врага. Я пришел к орудию Кухты.

— Ну, Степан, как будем выполнять приказ Военного совета? — обратился я к парторгу.

— Соберем коммунистов, комсомольцев, посоветуемся, послушаем, что народ скажет, — ответил Кухта.

«Конечно, Степан Кухта прав», — подумал я. Парторг давно стал моим незаменимым боевым помощником. Любую возможность он использовал для того, чтобы поговорить с бойцами, особенно умел в задушевной беседе поддержать того, который терял в себе уверенность, падал духом. Был такой случай за Доном: струсил молодой боец — отдавать надо суду Военного трибунала. А Кухта попросил этого бойца к себе в расчет. Как и о чем говорил с ним парторг — не знаю. Только знаю, что стал тот боец настоящим воином.

Решено было собрать партийный и комсомольский актив. Из каждого подразделения по нескольку бойцов. Из подразделений пришли лучшие из лучших — среди них сержант Сергиенко, красноармейцы Василий Зайцев, Николай Смородин, младший сержант Граждетский, лейтенанты Очкин и Коваль. Здесь же были коммунисты Степан Кухта, Иван Афанасьевич Пивоваров, Александр Медведев. Последним в узкий вход блиндажа протиснулся грузный, круглолицый Шаповаленко. Еще недавно был ездовым, но теперь и он в боевом расчете. Отличился в последнем бою — принят кандидатом в члены партии.

Все были в сборе. Я решил откровенно рассказать обстановку, не скрывая ничего. Я верил, что боевой актив коммунистов и комсомольцев поможет мне довести приказ Военного совета фронта до сердца каждого бойца, что мой боевой актив в этот трудный час поможет каждому воину лучше подготовиться к бою и выдержать все испытания.

Первое слово попросил комсорг:

— Таких, товарищ комиссар, которые пятки будут смазывать, у нас не найдется. Ни шагу назад, стоять насмерть — мы готовы. Но вот танков у них многовато, а у нас шесть пушек всего. Предлагаю ввести в заблуждение противника, будто у нас много орудий.

Тут посыпались реплики:

— Как ты введешь в заблуждение!

— Больше шести пушек, как не расставляй, не получится!

— А вот получится, — уверенно сказал Алексей Очкин и изложил свой план: изготовить за ночь из железнодорожных щитов и бревен ложные орудия и расставить их на танкоопасных направлениях. Предложение лейтенанта Очкина пришлось по душе комсомольцам.

Мы были накануне смертельной опасности, но комсомольцы не предавались унынию, у них не было никакой растерянности. С задором, по-комсомольски, будто обсуждали какой-то комсомольский субботник, искали решения, как выстоять и разгромить врага. Одно за другим поступало предложение от молодых бойцов, и все сводилось к единой задаче — как перехитрить фашистов, возможно больше их уничтожить, а уж если жизнь придется отдать, то как можно дороже. Вслед за комсоргом внес еще ценное предложение комсомолец Николай Сергиенко: отрыть круглые колодцы, которых не сможет заутюжить гусеницами танк.

В то время круглые колодцы и ложные орудия были новшеством и впоследствии стали применяться широко после боев под Курском.

Предложение комсомольцев поддержали коммунисты. Парторг Степан Кухта сказал за всех:

— Раз комсомольцы ищут путь, как лучше громить врага, мы, коммунисты, должны поддержать их и во всем помочь.

Решение партийно-комсомольского актива было кратким: «Ни шагу назад, советский воин в плен не сдается, умирает лицом на запад. Выстоять, разбить и победить врага — наша задача. 5 сентября 1942 года».

Всю ночь строили ложные батареи — вместо ствола укрепляли бревно на кольях, вместо стального щита — деревянный. Все замаскировали травой и кустарником — с расстояния двести метров будто настоящие орудия. На ложных батареях отрыли неглубокие окопы, ровики и ямы — с воздуха полная иллюзия расположения на огневых позициях противотанковых батарей. Кое-где в ровиках натыкали колья и одели на них каски. Вещмешки и плащ-палатки набили травой так, что они походили издали на человеческие фигуры. Рас-

ставили пустые зарядные ящики, разбросали стреляные гильзы.

Командиры стрелковых батальонов одобрили «идею усиления» противотанковых средств, так как знали, что завтра с рассвета на нас пойдут десятки фашистских танков. Нам выделили в помощь пехотинцев.

Колодцы рыли в ста, двухстах метрах впереди противотанковых орудий и ложных батарей. Сергиенко, как опытный инструктор, прыгал в колодец и показывал бойцам-охотникам за танками, как вести бой, рассказывал о преимуществах круглых колодцев.

— Гляди, у тебя круговой обстрел из ружья. Пали во все стороны из бронебойки. Это — раз. Налезет танк— пригнись: круглый колодец не обвалится под гусеницами, сколько бы танк не утюжил тебя в нем. Вот тебе второе преимущество. Танк прошел мимо, а ты на него горючку — вот тебе и третье преимущество.

До самого рассвета мы работали — построили за ночь до десятка ложных батарей и отрыли не менее двух десятков колодцев.

С первыми лучами солнца появилась «рама» — фашистский самолет-разведчик, а скоро тучей налетели и «гармонисты» — одномоторные бомбардировщики. И тут мы увидели, к своей радости, плоды нашей ночной работы. Фашисты, не жалея бомб, обрушились на наши ложные батареи. Около часу кружились, пока не сбросили весь бомбовый груз и не расстреляли все патроны из пушек и пулеметов.

Усталые, но довольные, бойцы сидели в полной безопасности в окопах и посмеивались. Сам автор этой затеи — Алексей Очкин, — склонив голову на плечо младшему братишке, вздремнул перед боем. Из траншей пехотинцев раздавались смех и шутки: «Давай, давай, фриц, не жалей бомб и патронов!» А я сидел в око-

пе, может, более всех довольный — ведь не часто нам, политработникам, удается так необыкновенно весело и бодро настроить бойцов перед смертным боем. Не думал я вчера, собирая коммунистов и комсомольцев, что будет сегодня такой отличный результат. И в своем дневнике записал: «5 сент. 1942 г. ценная военная смекалка комсомольцев л-та Очкина и серж. Сергиенко. В дальнейшем совмещать политработу с конкретной боевой задачей. Перед боем обязательно собирать актив коммунистов и комсомольцев».

Как только самолеты фашистов улетели, прямо на ложные батареи двинулись в атаку танки. Наши воины жестоко наказали обманутых гитлеровцев: хорошо укрытые и замаскированные противотанковые орудия открыли огонь по бортам бронированных машин. Пять из них мы сразу сожгли или подбили. Остальные поспешили убраться восвояси. Атака захлебнулась. Но теперь мы обнаружили перед врагом свои настоящие огневые. Снова началась бомбардировка. Прямым попаданием бомбы вывело из строя орудие батареи лейтенанта Очкина. Алексей приказал уцелевшим бойцам из расчета ползти в круглые колодцы. Я видел, как с ними пополз и Очкин. Поравнявшись с колодцами, бойцы по очереди ныряли и скрывались, Алексей пробирался все дальше, к самому крайнему колодцу.

Танки устремились во фланг пехоте, а за ними — саранчой — автоматчики. Выдержат ли наши в колодцах? Какую смелость и силу воли надо иметь, чтобы вести бой со злобным врагом, закованным в броню! Но большая разница вести бой, когда рядом товарищи, и другое дело — один на один против мощной машины. Ты сидишь в колодце, и на тебя идет бронированное чудовище, вооруженное пушкой, пулеметами. А у тебя всего бутылка в руках. Ты должен сжать зубы, пропустить

над головой стальную махину, а потом швырнуть ей вслед бутылку с горючей смесью.

Танк уже утюжил колодец, где сидел Алексей. Потом, ринувшись вперед, окутался дымом. Взрыв! «Значит, Алеша попал на жалюзи. Молодец!» Но вот с окопом поравнялись еще две машины, а он почему-то не бросал бутылку. «Может, убит?» Неподалеку от меня находилась девушка-санинструктор, она смотрела с испугом в сторону колодца, где находился лейтенант Очкин, и ее лицо побледнело. Танки миновали колодец, показали хвост, и полетела бутылка, за ней вторая. Загорелся еще танк! А другие остановились, уже боялись идти на наши колодцы, начали разворачиваться и поползли обратно.

Я посмотрел на девушку — к ней возвращалась, кажется, жизнь. Ее лицо от радости покрылось румянцем. «Да, не зря Ваня Федоров ревнует своего лейтенанта к ней», — подумал я.

Автоматчики противника попали под огонь наших орудий. Фашисты начали отступать, побежали. Наша пехота не растерялась, поднялась в контратаку и ударила во фланг отходящим. Кольцо окружения было разорвано, и положение восстановлено. До 7 сентября мы крепко держали оборону, несмотря на беспрерывные атаки фашистов. В ночь на седьмое получили приказ занять противотанковую оборону в стыке двух стрелковых полков. Это на полпути между Разгуляевкой и Гумраком, в районе железнодорожного переезда. Мы оседлали шоссе на город. Здесь — главное танкоопасное направление, и в первую очередь ожидаются вражеские атаки.

«7 сентября 1942 г. жестокий бой у ж.-д. переезда. Пехота отошла по приказу, а про нас забыли. Пропал Алексей Очкин...» — записано у меня в дневнике.

Рогов Садок Захарович.

Этот день, 7 сентября, я и сейчас помню во всех подробностях. Ночью мы отрыли огневые в шестистах метрах от железнодорожного переезда, по обе стороны шоссе. Грунт был рыхлый, и мы успели отрыть огневые полного профиля. Отрыли и колодцы для бронебойщиков, хотя этот грунт осыпался и не подходил для них. В четырехстах метрах от огневых, в кустах у железнодорожной насыпи, расположился наш штаб. Его возглавлял теперь помощник начальника штаба пожилой старшина Рогов.

Потомственный сибиряк Садок Захарович Рогов с первого дня формирования служил в дивизионе. Начальник штаба только вчера был ранен, и Рогов был назначен взамен выбывшего командира. Здесь же автомашины, повозки, повара с кухней.

Мы понимали, что предстоит жестокий бой, и готовились к нему тщательно. Командиры батарей, взводов

излазили всю местность до переезда, командиры орудий выбрали ориентиры, точно определили до них расстояния. Всем было ясно, что единственный путь, по которому могут прорваться танки, — это переезд, а в другом месте им не перевалить насыпи.

Мы расположились на бахче и хорошо замаскировали пушки и бронебойки; два трофейных пулемета поставили на фланге.

С раннего утра завязался жестокий бой справа от нас, за железнодорожной насыпью, в районе Городища. Девятки самолетов врага один за другим пикировали на позиции нашей пехоты. Одновременно с большой высоты сбрасывали бомбы «хейнкели». Нам были хорошо видны атакующие фашистские танки и пехота. Мы наблюдали, в контратаку пошли до двух десятков наших танков. Они смело шли на сближение с фашистскими машинами и завязали ожесточенный бой. Но недолго пришлось нам быть свидетелями боя соседей. Через каких-нибудь полчаса две группы Ю-88 стали бомбить. Рыхлый грунт осыпался, скоро в ровиках уже невозможно было укрываться. Не вступив в бой, мы потеряли в результате налета авиации часть людей.

Еще не закончилась бомбардировка, как через железнодорожный переезд перевалили тяжелые фашистские танки. Они с ходу вели огонь. Рядом со мною Граждетский припал к панораме и держал на перекрестии прицела фашистский танк. Он приближался все ближе и ближе. Оставалось не более трехсот метров. Раздалась короткая команда командира: «Огонь!» Прогремел выстрел, и с перебитой гусеницей танк завертелся на месте. Но за ним еще два на большой скорости устремились на орудие Степана Кухты. Николай Смородин, который в этом бою действовал за наводчика, открыл меткий огонь, и обе бронированные машины через несколько секунд застыли на месте. Их экипажи пытались спастись бегством, но попали под фланкирующий огонь наших пулеметов. Мы отбили первую атаку фашистов, но знали — скоро будет вторая.

Справа от нас сражение не затихало ни на минуту. Там у фашистов почти вся авиация, масса танков, там они теснили наших. Им удалось ворваться в Городище. Ожесточенная перестрелка и грохот уже где-то далеко позади нас — за крутым поворотом железной дороги. Слева от нас, за косогором, бой тоже позади. Что будет с дивизионом, если враг обойдет с тыла и всей силой обрушится на нас?!

Я пополз в орудийные расчеты. Хотелось поговорить с бойцами, еще раз повторить задачу, подбодрить людей, просто перекурить с ними. Это придавало мне самому силы, а мое слово поддерживало товарищей. Никому не хочется быть в одиночестве перед смертельной опасностью.

Вскоре нас опять бомбили фашистские самолеты. Погибло два бойца. Восемнадцать человек ранено. Выведено из строя два орудия. Мы не могли отправить в тыл раненых и укрыли их позади — в кустарнике, около нашего штаба.

Еще не осела земля и пыль после разрывов бомб, как на нас из-за железнодорожной насыпи с диким криком бросилась густая цепь пехоты, строча из автоматов. А со стороны переезда один за другим быстро приближались четырнадцать танков. Началась решающая схватка. Все орудия открыли огонь, в бой вступили наши пулеметчики, автоматчики, бронебойщики в круглых колодцах с ружьями ПТР и бутылками «КС». Вокруг гремело, гудело, ухало.

Бой разгорался с огромной силой. Бойцы и командиры заменяли убитых и раненых товарищей, хладно-

кровно и метко посылали снаряд за снарядом по фашистским бронированным машинам. Уже горели четыре танка. Правее меня лейтенант Очкин сам вел огонь и уничтожил еще две машины. Но фашисты не унимались. Уцелевшие танки подходили все ближе к нашим позициям. Наши «охотники» пропускали их мимо колодцев и забрасывали бутылками «КС». В этот момент я пополз к орудию Степана Кухты. Там оставалось только трое в живых — Степан Кухта, Николай Смородин и Ваня. Заряжающего убило, и Федоров стал за него. Мне пришлось выполнять работу подносчика снарядов. Я смотрел на Ванюшку и не узнавал его: лицо строгое, нахмуренное. Он выглядел намного старше, глаза сверкали суровой решимостью.

Напряжение боя достигло высшего накала. Гитлеровские автоматчики устремились на огневые. Алексей Очкин и Николай Граждетский расстреливали фашистов картечью в упор. Но что можно было сделать тремя оставшимися пушками против нескольких рот пехоты, вооруженной автоматами, да еще при поддержке танков. Казалось, еще немного — и нас полностью окружат и уничтожат. Некоторых из наших бойцов фашисты заживо похоронили в окопах — рыхлый грунт не выдерживал, обваливался под многотонной тяжестью брони.

«Эх, если бы сейчас ударить из пулемета с фланга!» Но наши пулеметы молчали. Один разбит, другой не стреляет: убит пулеметчик.

Орудие Степана Кухты, у которого я находился, еще вело огонь. Впереди у двух орудий снаряды кончились, и я видел, как Коля Граждетский перебежал к Алексею Очкину, и они стреляли из автоматов. Потом Граждетский побежал почему-то вниз по косогору. Алексей продолжал строчить из автомата. Рядом с Алексеем —

девушка-санинструктор. Вот-вот небольшую группу Очкина гитлеровцы окружат, бойцы отбивались из последних сил. Алексей оглянулся назад — может, он хотел увидеть в последний раз своего названого братишку. Ваня, стиснув зубы, заряжал пушку, а Коля Смородин не прекращал огня. Я подавал им снаряды. Степану Кухте было некогда помогать товарищам у орудия, он вооружился автоматом и короткими очередями прижимал к земле фашистских автоматчиков, перебегавших совсем близко от огневой. Я был уверен, что никто из нас живым не сдастся. Мне хотелось крикнуть, чтобы все бойцы услышали: «Погибнем, но не сдадимся!» И я был уверен, что каждый выполнил бы этот приказ.

И вдруг произошло чудо... За спиной гитлеровцев захлопали винтовочные выстрелы, застрекотали автоматные очереди. От подножия бугра бежали наши. «Ура-а-а, — не выдержал я, — наша пе-хо-та-а!» Бойцы все ближе и ближе. Они бежали, стреляли на ходу. Фашисты от неожиданности растерялись, и в следующие минуты гитлеровское воинство бросилось наутек. Враг был отброшен за железнодорожную насыпь.

Танки, лишившись поддержки пехоты, тоже отошли. Только после боя, когда мы соединились с этой группой, я увидел, что это мои бойцы во главе с бронебойщиком Пивоваровым и старшиной Роговым. Тут же был Коля Граждетский. Пивоваров вместе с другими ранеными находился в кустах у насыпи. Узнав от Граждетского, что наше положение критическое, коммунист Иван Афанасьевич Пивоваров и Садок Захарович Рогов собрали шоферов, повозочных, работников штаба, поваров, всех раненых, которые могли держать винтовку, и повели в атаку.

— Выручил, Иван Афанасьевич, — поблагодарил я Пивоварова.

— А как же по-другому. Прибежал от вас Коля, все раненые сами поднялись через силу, ну и другие за ними, — ответил Пивоваров и, пригладив седую бородку, добавил: — Мне-то здесь не впервой, еще в обороне Царицына приходилось... Но спасибо Рогову говорите: он первым организовал людей!

Рогов смущенно промолчал. Его худое лицо еще больше осунулось, только глаза светились молодо, выдавая волнение.

Фашисты долгое время не смели показываться из-за насыпи и вели оттуда минометный огонь. Мы освобождали бронебойщиков из полузасыпанных окопов. Две девушки-санинструкторы из соседнего батальона помогали перевязывать раненых. Их подружка, которая все эти дни воевала с нами, откопала из дальнего колодца раненого бойца, перевязала его и потащила на плащ-палатке в укрытие. Тут и случилась беда. Вспомнив, что остался автомат раненого, она вернулась с полпути. В это время мины стали рваться впереди и позади ползущей девушки — фашисты брали в вилку. Мы махали ей руками и кричали, но она не слышала и продолжала ползти. Алексей Очкин сорвался с места, чтобы ее вернуть, но совсем близко от нее разорвалась мина. Когда Очкин принес подругу на руках, она уже умирала. Крупными осколками ей перебило ноги, и девушка потеряла много крови. Я навсегда запомнил ее необыкновенно голубые глаза. Она беспомощно лежала и последним усилием воли все смотрела на Алешу. Подруги вынули из кармана ее гимнастерки комсомольский билет. Так я и не узнал ее фамилию. Знаю только, что звали ее Аней и родом она была из Рязани. Позже мне Алексей рассказал, что познакомился с ней еще в мае, когда она прибыла в дивизию вместе со своими юными подругами.

За девушками-санинструкторами прибежал связной боец — их батальон отходил по приказу на другой рубеж потому, что фашисты прорвались слева к самым окраинам города.

Мы снова отбивали атаки, отбивали из последних сил. Всего за день отразили восемь атак. Наши части справа давно отошли за Городище, слева тоже теперь отошли. Наш сильно поредевший дивизион оставался один. Фашисты могли в любую минуту обойти и уничтожить нас.

Что делать?

Связные, посланные еще в полдень на командный пункт дивизии, не возвращались, а дело шло к вечеру. Без приказа мы не имели права отойти, но сидеть на месте, пока нас уничтожат, тоже не могли. Посоветовавшись с начальником штаба Роговым, я послал своего ординарца за командирами. Все собрались. Позже подошел лейтенант Очкин — он с бойцами хоронил девушку. Обсудили и приняли решение, чтобы надежней было, — послать Алексея Очкина к комдиву. На машине засветло не проскочишь по дороге, у Алексея есть вороной конь, на котором он может проехать вдоль насыпи железной дороги. У лейтенанта оставалось в батарее одно орудие, и он, оставив за себя Степана Кухту, тут же поскакал.

Спустя полчаса прибыли связные от командира дивизии. Они доставили нам приказ, который обязывал нас немедленно оставить занимаемые позиции, срочно прибыть в район Разгуляевки.

— Там знают, что вы весь день вели бой, — сказал посыльный. — Но послать подкрепление не могли. В полках людей почти не осталось.

Фашисты снова пошли в атаку. Отбиваясь, мы отходили. Машины с ранеными послали в объезд, а сами,

отстреливаясь, поочередно откатывали пушки. Наши автоматчики и бронебойщики огнем прикрывали отход. Оставить кого-нибудь, чтобы сообщить Алексею о нашем отходе, мы не могли, так как по пятам за нами двигались фашисты.

Мы отошли на рубеж, указанный в приказе, и заняли противотанковую оборону в поредевших полках дивизии. Когда я пришел на КП дивизии, то узнал, что Очкин ускакал около двух часов назад к нам. В дивизии считали, что связные погибли, да и не рассчитывали, что мы остались в живых после такого боя.

Я вернулся в часть. Бойцы ужинали, довольные, что выбрались из такого пекла. Прошло три часа, а Очкина все нет. Что с ним произошло? Перед вечером фашисты бомбили. Может, он погиб? Может, ранило? Он мог с ходу прямо заехать в расположение фашистов. Ведь он не знал, что мы снялись. Самым вероятным было, что Алексей прискакал в расположение врага и его схватили фашисты. Но я был уверен, что Алексей живым не дастся. Меня мучили тревожные мысли. Кругом отдыхали и спали бойцы. Я ворочался, и было не до сна. Одна лишь маленькая фигурка маячила — это Ваня все дожидался своего лейтенанта. Я поднялся и пошел на кухню — может, чай остался. У маленького костра Федоров подогревал котелок лейтенанта. Он посмотрел на меня зло, будто я виноват, что нет до сих пор Очкина.

Заснул я только перед самым утром и проснулся от радостного говора Вани...

— Да ешьте вы, ешьте. И чай пейте, — уговаривал он кого-то.

— Спасибо, братишка! — услышал я знакомый голос.

«Неужели Алексей?» — вскочил я. Сидел живой

Алеша, а рядом с ним каких-то два бойца. Ванюшка, вне себя от радости, кормил всех троих и не сводил счастливых глаз с лейтенанта.

— Алеша, где ты пропадал?! — бросился я обнимать друга.

— Был на том свете, — улыбнулся лейтенант Очкин.

— Не трогайте его, — просил меня Ваня, — у него вся нога разбитая...

Два бойца оказались из соседнего стрелкового батальона, который занимал рядом с нами оборону. Один из прибывших красноармейцев рассказал:

— Я вытащил раненого дружка к кустам, где раньше у вас стояли машины. Малость опоздал — вы только снялись. Решили до темноты схорониться, а ночью выползти к своим. Только стало скрываться солнце за тот бугор, где у вас были огневые, слышим цокот копыт. Подумали, что гитлеровец. Выглянули, когда он уже проскакал. Вроде в нашем обмундировании. Скрылся он за бугром, а потом как затрещали пулеметы и автоматы! Думали, убили нашего. И зачем он, отчаянный, поскакал на свою погибель? Через час приполз ваш лейтенант, весь в крови, в пробитой плащ-палатке. Нога у него вывернутая, волочится, а вот потащил же со мною раненого дружка. Ползли вдоль путей. Кое-где пришлось малость пострелять фашистов. Хорошо, что у лейтенанта были гранаты и запасной диск к автомату, а то не прорвались бы. Так вот и выбрались.

Как я и предполагал, Алексей заехал в самое расположение фашистов, которые заняли оборону на месте наших огневых. Солнце, скрываясь за бугор, било ему прямо в глаза. Подскакал метров на тридцать и только увидел, что это фашисты. Они закричали: «рус командэр, плэн».

— А я, — рассказал мне потом Алексей, — только думал об одном, как успеть себя застрелить, и полез в кобуру за пистолетом. Знал, что девятый патрон у меня уже дослан в ствол «ТТ». Автомат, бинокль, планшетка, гранаты на поясе — все мешало быстро достать пистолет. А фашисты бегут ко мне. И когда отстегнул кобуру и был уверен, что успею покончить с собой, решил попытаться спастись. Дернул лошадь за повод и почему-то крикнул по-немецки: «Линкс ум!» На секунду гитлеровцы замешкались, затем ударил крупнокалиберный пулемет. Лошадь моя грохнулась рядом со сгоревшим самолетом-«кукурузником». Думал, ранен. Обернулся — у коня весь круп разворочен. Подняться сразу не могу: нога в стремени прижата лошадью. А ко мне бегут фашисты и строчат из автоматов. Сделал несколько выстрелов по ним, выдернул из-за пояса одну за другой две гранаты и бросил в них. Фашисты залегли. Тут я выдернул, наконец, ногу из-под вороного, а нога не действует. Так и пришлось всю дорогу ползти. Хорошо, что рядом оказалась балка, поросшая кустарником, да минометчики с Мамаева кургана ударили по переезду. Фашисты залегли, а мне ждать было нечего — пополз. И вот — добрался!

Показались первые лучи солнца. Вывихнутая нога Алексея сильно распухла, и, пока не показались самолеты, я отправил его и раненого бойца в медсанбат. Ваня, конечно, поехал с ними. Машина тронулась, а я долго смотрел ей вслед.

Повезло моему комсоргу? Спасение его — случайность? Нет. Хладнокровие, находчивость, жгучая ненависть к захватчикам и горячее желание победить врага спасло воина. Суровая школа войны не проходила даром и научила многому каждого из нас.

„Отдам жизнь за Родину, но ни на шаг не отступлю!“

Плотно прижавшись к сухой, выжженной траве, я смотрел на вершину: «Вот она — совсем рядом, один бросок, и она будет наша!» Так думалось мне, хотя я знал, что 416 стрелковый полк нашей дивизии при поддержке дивизиона несколько раз достигал самой вершины кургана, но фашистам удалось контратаками сбросить его. Вся высота была перепахана разрывами мин, снарядов и бомб. Земля гудела и стонала...

Справа от меня Иван Афанасьевич Пивоваров; рядом с ним, крепко сжав в руке гранату, приготовился к атаке Коля Сергиенко. Большим осколком разбило его противотанковое ружье, и он вооружился автоматом и гранатами. Немного дальше — лейтенант Коваль. Он все время, несмотря на бушевавший огонь, поднимал голову, чтобы видеть своих бойцов; за ним — Василий Зайцев, плотно прижав приклад ружья, готов был в любую минуту открыть огонь и вместе со всеми броситься на врага. Немного впереди, упершись ладонями в землю, приподнимался, пренебрегая опасностью, политрук Павел Патенко. Еще ближе к высоте — Алексей Очкин. Голова его забинтована окровавленной, почерневшей повязкой.

Над головой раздался характерный шорох. Это залп наших «катюш» из-за Волги. Снова залп. Сильный грохот. Впереди все заволокло дымом. Взвилась красная ракета — капитан Асеев дал сигнал в атаку. Я увидел, как он, стройный, порывистый, выскочил из траншеи. В одной руке — граната, в другой еще дымилась ракетница.

— В а-та-ку-у! — скомандовал капитан. И было только слышно одно протяжное «а-а-а!» — это бойцы подхватили «у-ра-а!». Один за другим, стреляя из автоматов, они рванулись за командиром.

— За Родину! — крикнул политрук Патенко и повел на штурм бронебойщиков. Я видел, как Патенко был уже недалеко от вражеского пулеметчика, бросил несколько гранат, но тут же упал, сраженный вражеской пулей. Пивоваров был рядом с политруком. Он взял у павшего автомат, передал бронебойку второму номеру и расстреливал в упор пулеметчиков. Старый коммунист повел бойцов все выше и выше. Уже недалеко от самой вершины был убит второй номер, и Пивоваров снова стрелял из противотанкового ружья.

Я бежал вместе с бойцами. Передние уже ворвались в окопы фашистов. Коля Сергиенко срезал автоматной очередью несколько фашистов. Где-то в дыму мелькнула фигура Вани Коваля, его тоже ранило. Лицо было залито кровью, но сделать перевязку времени не было.

Спрыгнув в траншею, я наткнулся на Пивоварова. Он лег за оставленный фашистами пулемет и длинными очередями косил удирающих фашистов так, как и беляков когда-то уничтожал под Царицыном.

Не успели мы подтянуть огневые средства, как появились первые фашистские самолеты, и бомбы стали вдалбливать все живое в землю. Ожесточенной бомбардировкой противник хотел сорвать наше наступление. Правда, на наше счастье, многие бомбы падали позади нас: фашисты боялись поразить своих. Стиснув зубы, мы лежали в сплошном дыму и огне, совсем оглохшие, и думали об одном: с последним разрывом бомбы скорее броситься на врага, навязать ему ближний бой.

Только фашистские стервятники отбомбились, как

гитлеровская пехота попыталась контратаковать нас слева — там появилось несколько танков. Алексей Очкин с гранатами в руках немедленно бросился со своими бойцами. Туда же побежал с бронебойкой Вася Зайцев, а за ним еще несколько петеэровцев. Два танка были подбиты, остальные поспешили скрыться за обратными скатами. Фашистскую пехоту наши бойцы заставили залечь. Нам удалось отбиться.

Патенко Павел Петрович.

Снова гул стервятников.

«Через две-три минуты посыпятся бомбы — и тогда будет поздно» — это понял капитан Асеев и снова поднял свой поредевший полк на решительный штурм. За пехотинцами бросились наши истребители.

Я увидел, как Пивоваров упал, потом снова поднялся — его ранило в руку. Но он все же продолжал тащить автомат, бронебойку и умудрялся стрелять.

У меня тогда не было времени думать. Только теперь, вспоминая, удивляешься героизму и самоотверженности людей. Как мог с простреленной рукой Иван Афанасьевич Пивоваров взобраться на вершину да еще вести огонь? Как выдержали раненые лейтенант Коваль и Коля Сергиенко? Откуда взялись силы у Алеши Очкина —он шел на штурм с больной ногой, вывихнутой еще в Гумраке, к тому же контуженный в первый день штурма.

Сколько их, героев, о которых можно очень многое сказать. Какая сила их двигала? Любовь к Родине, ненависть к врагу — вот что звало их вперед!

Когда стемнело, мы, наконец, овладели курганом и тут же, отбивая контратаки, стали закрепляться.

Подошел капитан Асеев.

— Побыстрее закрепляйтесь, комиссар. А люди у тебя молодцы! К ночи сумеете подтянуть пушки, а?

— Все сделаем, товарищ капитан!

Он поспешил дальше, давая распоряжения командирам рот и взводов.

Мне нравился этот командир. Мы познакомились с ним еще в трудных боях под Гумраком, когда дивизион вместе с полком целую неделю отражал ожесточенные атаки фашистов. Я помнил, как тогда молодой энергичный штабной работник Асеев опокойно и четко передавал нам задачу, поставленную дивизиону командиром дивизий.

Накануне штурма Мамаева кургана командиром 416 стрелкового полка оказался капитан Василий Андреевич Асеев. Он обрадовался, что вместе с его полком и мы будем штурмовать эту высоту. Асеев, конечно, не мог забыть, как мы здорово выручили пехотинцев в боях под Гумраком.

Около полуночи мы отбили последние атаки. Отблески пожарищ тревожным красным светом врывались в темноту ночи, отражались на сухой траве склонов кургана, изрытого воронками, на лицах людей. Впереди слышалась беспрерывная трескотня пулеметов и автоматов, над головами свистели пули, огненные трассы пронизывали темноту ночи. Через вершину Мамаева кургана непрерывно вела огонь наша артиллерия. Южнее, в центре города, не прекращался бой.

Из темноты вынырнула фигура какого-то командира.

— Вы политрук Филимонов? — обратился ко мне лейтенант и, удостоверившись, представился: — Офицер связи. Вас вызывает на КП армии член Военного совета.

Уходя, я прошел по обороне — бойцы Коваля и лейтенанта Очкина окапывались. Спускаясь с кургана, я спросил у санитаров: всех ли раненых эвакуировали, вынесен ли политрук Патенко?

Особенно переживал я потерю Павла Патенко. Разрывная пуля, словно топором, отсекла ему правую руку почти у плеча. С Павлом Петровичем мы начинали службу в дивизионе и подружились еще в Сибири. Тогда он был комиссаром батареи, которой командовал Миша Самойлов. Павел небольшого роста, крепко слаженный, с серыми, всегда смеющимися глазами, любил петь украинские и старинные казачьи песни, которых знал множество. Умный политработник, имеющий за плечами опыт комсомольской работы, он пользовался большим уважением у бойцов. Теперь не было рядом моего друга и хорошего помощника.

Говорят, беда не приходит одна: в тот же вечер я узнал о гибели своего друга Ивана Михайловича Маринца, с которым в Сибири начинал формирование дивизиона. Еще перед выездом на фронт Маринец был пе-

реведен в 524 полк нашей дивизии, где командовал конной противотанковой батареей, а погиб он в жестоких боях под Гумраком.

«Зачем так срочно вызвал меня член Военного совета?» — думал я, пробираясь вслед за юрким лейтенантом по темным, заваленным кирпичом, горелым железом, во многих местах перекопанным улицам в сторону Волги.

Скоро все выяснилось.

Член Военного совета 62 армии дивизионный комиссар Гуров вручил мне орден Красного Знамени — награду за июльские бои за Доном.

После вручения орденов дивизионный комиссар долго и тепло беседовал с награжденными. Он внимательно разглядывал нас из-под густых, черных бровей и неторопливо расспрашивал меня о штурме Мамаева кургана, сколько в дивизионе людей, как они понимают задачу, каково настроение бойцов.

Мне было радостно вдвойне: получить орден из рук члена Военного совета и услышать от него высокую оценку действий бойцов нашей дивизии и части на Мамаевом кургане.

— Передайте благодарность Военного совета всем бойцам и командирам, — говорил Гуров. — Умело, грамотно действовали ваши воины!

— Спасибо, — с волнением ответил я дивизионному комиссару. — Наши бойцы прошли суровую школу еще на Дону и в жестоких боях под Гумраком, — пояснил я, польщенный похвалой.

— А приказ Военного совета фронта бойцы знают? — спросил Гуров.

— Приказ «Ни шагу назад» всем сердцем понимают красноармейцы, потому что это приказ Родины, — с жаром ответил я, но вдруг смутился и замолчал.

— Продолжайте, продолжайте, — ласково посмотрел на меня Гуров.

Я почувствовал теплоту и внимание дивизионного комиссара и, уже не боясь отнимать у него времени, подробно рассказал о находчивости наших бойцов и командиров: сержанта Сергиенко, лейтенанта Очкина и других комсомольцев.

Член Военного совета Гуров заразительно смеялся над тем, как фашисты бомбили ложные батареи, а мы преспокойно сидели в укрытиях. Мой рассказ о том, что комсомольцы по своей инициативе применили новые формы борьбы с танками врага, тоже заинтересовал члена Военного совета.

— Это очень хорошо, что ваши бойцы не боятся пропускать через себя фашистские танки. Поймите, — добавил дивизионный комиссар, — предстоят длительные бои в условиях города. Здесь очень многое зависит от инициативы и смекалки бойца. Часто бой придется вести в полном окружении, без связи с командиром и штабами; в городском бою каждый солдат сам себе генерал.

— Военный совет сейчас обобщает опыт боев подразделений и частей армии, вырабатывает новые тактические приемы борьбы, — пояснил член Военного совета, — скоро будет инструкция по ведению боя в городе, разошлем ее в части. Обязательно изучите ее, а главное, сами ищите новые формы борьбы. На примере таких бойцов, как ваши Сергиенко, Очкин, Пивоваров, учится воевать вся армия.

Гуров передохнул немного и сказал:

— Ваша дивизия имеет большой боевой опыт. Знаете, как о вашей дивизии сказал сегодня генерал? — Гуров быстро взметнул свои густые брови, сразу оживился. Дивизия «челнок!»

Я сразу не понял тогда, что хотел сказать этим дивизионный комиссар.

И только спустя много лет, с волнением читая книгу В. И. Чуйкова «Начало пути» и особенно при встрече с маршалом, мне стал до конца понятен их смысл и истинная роль 112 дивизии в великом сражении за город.

Вот как высоко оценивает роль 112 стрелковой дивизии в битве на Волге Маршал Советского Союза В. И. Чуйков:

«Эта дивизия маневрировала по Сталинграду: с Мамаева кургана на балку Вишневая, на тракторный завод и другие места, где противник намеревался нас атаковать. Она участвовала в сотне боев, в том числе не меньше, чем в десяти на главных направлениях удара гитлеровцев. Она всегда поспевала к самым горячим делам, мужественно отражая удары численно превосходящего врага».

И действительно, отступив от Гумрака, мы не имели ни одного дня передышки: 112 стрелковая дивизия была одним из тех соединений 62 армии, которые первыми приняли на себя удар врага, рассчитывавшего с ходу захватить город. В те же дни стала переправляться в город и гвардейская дивизия Родимцева.

— Желаю истребителям боевых успехов, — напутствовал меня на прощание дивизионный комиссар. — Вам предстоит задача не менее трудная, чем штурм Мамаева кургана. Военный совет армии и лично командующий Чуйков на воинов сологубовской дивизии особенно надеются.

Когда я пришел с КП армии в дивизион, то узнал, что получен приказ перейти на новый рубеж и занять оборону севернее Мамаева кургана. Мы снова были вместе со старыми боевыми друзьями — пехотинцами полка капитана Асеева.

Правильно говорил Гуров: опять нас бросали туда, где тяжелее всего. Именно здесь, в направлении завода «Красный Октябрь», противник наносил главный удар. Так говорилось в боевом приказе.

Как и обычно, наступлению гитлеровской пехоты и танков предшествовали массированные удары авиации и артиллерии. Фашистские самолеты обрушивали фугасные бомбы весом до тонны и огромное количество мелких осколочных и зажигательных. Все кругом горело. Краснооктябрьский район, имевший тогда в большинстве деревянные постройки, был в тот день окончательно превращен в огромный черный пустырь.

До сорока танков устремилось на наши боевые порядки. До батальона автоматчиков под прикрытием бронированной лавины прорвалось в стык двух стрелковых полков. В соседнем полку были очень большие потери. Командир этого полка собрал всех людей, каких только можно было — бойцов комендантского взвода, разведчиков, связистов, и повел их в атаку по трупам врага. Но его самого тяжело ранило. Бойцы, оставшись без командира, на какое-то мгновение залегли, наша контратака захлебнулась.

Я понял, что в этот критический момент боя капитан Асеев снова принял правильное решение: смело ударить во фланг прорвавшимся фашистам. Все смешалось, пошли в ход гранаты и даже кирпичи. Многие наши истребители вместе с пехотинцами поднялись в контратаку. Коммунист Пивоваров вернулся из медсанбата и теперь был вместо политрука Патенко. Во всех боях большевик Иван Афанасьевич Пивоваров показывал пример стойкости и отваги. Его хорошо знали бойцы, любили за мужество и простоту. Пивоваров как бы передавал им эстафету героев гражданской войны.

Поднявшись в окопе, Алексей командовал «сороко-

пятками». Голова у него была забинтована почерневшим от земли, гари бинтом, но, как всегда, он не думал о себе.

Только мы отразили натиск пехоты и танков, как над нами закружились вражеские самолеты. Бомбили, обстреливали, но фашисты не смогли сломить боевого духа бойцов. В бессильной ярости пехота и танки противника откатывались назад. Одна из бомб разорвалась совсем рядом с нашей огневой. Земля будто раскололась от огромного взрыва. В голову ударила горячая волна; глаза, уши, нос забило песком и пылью. С трудом выбрался я из полузасыпанного окопа. Несколько бойцов перебегало туда, где только что стояла пушка.

— Там лейтенанта засыпало!

Через несколько минут мы откопали Очкина, командира орудия Граждетского и наводчика. Все они были живы, но почти ничего не слышали: контужены взрывом. Двое из бойцов этого расчета погибли.

Фашисты снова двинулись в атаку.

Двенадцать танков сожгли мы в боях за поселок Красный Октябрь. Несмотря ни на что, мы удержали рубеж.

...Я перелистываю пожелтевшие странички фронтового дневника — истрепанной записной книжечки и читаю:

«26 сентября 1942. Сейчас посчитал людей. В дивизионе сорок восемь бойцов, два орудия, но мы продолжаем выполнять прежнюю задачу. Командующий артиллерией подполковник Годлевский пообещал прислать в ближайшие дни людей и четыре-шесть пушек. Граждетский и Смородин затеяли спор: каким и когда будет день окончания войны? «Я до Берлина дойду, потом домой», — сказал Коля Смородин. Вот она, сила русского солдата!»

Люди измотаны и утомлены до предела в непрерывных боях. У красноармейцев почерневшие, осунувшиеся лица. Несколько суток подряд никто не смыкал глаз, бойцы чуть не валились с ног от усталости. В те месяцы и ночью не было затишья: если фашисты не лезли, то мы контратаковали их.

Годлевский Николай Иванович.

Помню, как на командный пункт капитана Асеева пришел майор из штаба дивизии — принес боевой приказ: полк с нашим дивизионом перебрасывался на новое направление.

До рассвета оставалось совсем мало времени, нужно успеть выдвинуться на новый рубеж, занять боевой порядок, окопаться. «Как выполнить боевой приказ? — не покидала меня беспокойная мысль. — Люди засыпают на ходу, а им предстоят непрерывные бои. Чем подбодрить бойцов?»

— Командир дивизии предупредил, что фашисты утром нанесут сильный удар, — слышал я голос Асе-

ева. — Закопаться в землю надо во что бы то ни стало.

— Разрешите, товарищ капитан, — на пороге блиндажа неожиданно появился боец. — Письма привезли! Истребителям больше всех, — повернулся он ко мне.

— Сейчас не до писем! — раздался голос майора, — потом раздадите.

«Письма!.. Может, они и будут тем ключом, которым я открою путь к сердцам людей, — подумал я. — Прочитает боец письмецо, и вольется в него новая сила!»

— Дайте-ка мне письма, — обратился я к бойцу и пояснил Асееву: — Вы поставили задачу, а нам уж позвольте думать, как ее выполнять.

«Может, солдат и не доживет до завтра, — подумал я, — и не прочитает весточку из родного дома. Нет, до боя надо разнести письма!»

Я любил при свете пожарищ или осветительных ракет прочитать с красноармейцем письмо от его родной матери, от любимой... Они, наши родные и близкие, всегда были с нами, в нашем сердце. Они помогали нам выстоять и победить врага. Оружие их — не только самоотверженный труд в тылу, но и вот эти письма.

— Отоспимся после войны, — растолкал я задремавшего Степана Кухту, — а сейчас пойдем к бойцам, раздадим письма.

Где-то на левом фланге наше крайнее орудие. Хотелось прежде всего побывать в этом расчете. В темноте спотыкался, несколько раз падал в воронки, затем пришлось ползти: фашисты бросали осветительные ракеты и бешено строчил пулемет.

Под телогрейкой на груди — красноармейские письма, их так ждет солдат. Рядом с треском разорвались одна за другой четыре мины. Я прижался к земле, осколки с визгом пронеслись надо мною.

Когда до орудия оставалось каких-нибудь пятьдесят метров, снова, где-то совсем рядом, затарахтел фашистский пулемет; я вскочил и броском перебежал к расчету. Спрыгнул в окоп и столкнулся с Черношейкиным.

— Чего не спишь, усач! Письма не ждешь? Получай!

Я от души радовался вместе со старым бойцом. Под плащ-палаткой осторожно зажег фонарик, и Черношейкин стал читать.

— Молодцы наши женщины, убрали весь урожай хлеба в колхозе.

— Ну как жена, дети?

— Все живы, здоровы. Вам кланяются. Я им прописал про вас, вот они и шлют поклон.

Долго, несколько раз перечитывал письмо от жены Черношейкин, здесь же карандашом нацарапал ответ и, старательно сложив треугольничек, отдал мне.

Нечего греха таить — нам иногда казалось, что нет больше сил человеческих, которые могли бы остановить бешеный натиск врага. Я ходил в ту ночь по огневым и окопам, разъяснял бойцам задачу, раздавал письма и замечал, как веселели бойцы. Окончательно убеждался, что они, эти простые треугольнички, помогут нам выполнить боевой приказ.

В моей фронтовой книжечке записано: «27 сентября мы снова переброшены на направление главного удара гитлеровцев. Бои здесь не менее жестокие, чем за Мамаев курган и Красный Октябрь. Фашисты день и ночь штурмуют Верхний поселок Баррикад и балку Вишневая. Они бросили против нас две полных дивизии — одну пехотную и одну танковую. Когда нам казалось, что пришел конец, каждый комсомолец, вслед за комсоргом Очкиным, дал себе клятву: «Отдам жизнь за Родину, но ни на шаг не отступлю!»

Утром гитлеровцы начали наступление крупными силами пехоты и танков. В первые часы боя бронебойщики стрелковых полков вместе с нами подбили и сожгли более 20 вражеских танков.

Мы действовали плечом к плечу с пехотинцами. Кто-то из бойцов стрелкового полка поджег бутылкой с горючкою танк, но другой продолжал двигаться на окоп. Навстречу бронированной машине полетела связка гранат — фашист отвернул машину, и гранаты разорвались в стороне от гусениц. И тут боец поднялся из окопа. У него, раненого, не было сил бросить связку гранат; красноармеец пополз наперерез танку, потом, собрав последние силы, бросился под бронированную машину. Танк был уничтожен, а боец геройски погиб.

Все мы видели неравный поединок советского воина. От бойца к бойцу, от окопа к окопу передавалось: «Красноармеец Василий Завозин, раненый, бросился с последними гранатами под танк!»

Подвиг Васи Завозина не остался безответным, образ героя стоял перед глазами бойцов, и они сражались еще ожесточеннее. Слева и справа от наших огневых фашистские танки потеснили нашу поредевшую пехоту и теперь всей силой навалились на нас. Мы отбили натиск бронированного врага.

Получилось так, что в горячке боя мы забыли о нашем Ванюшке Федорове, а он, поднося снаряды, оказался отрезанным фашистскими автоматчиками. Парнишка не растерялся и, забравшись в разбитую заводскую трубу, стал отбиваться кирпичами. Заметив это, лейтенант Очкин бросился с бойцами на выручку. Своего младшего братишку он еле-еле успел спасти.

Фашисты все больше бросали сил, все теснее сжимали клещи вокруг нашего противотанкового узла. Бронированному тарану справа и слева от нас не пройти к

Волге — овраги и каменные развалины преграждали им путь. Мы понимали, что являемся преградой для врага, всеми силами стремившегося прорваться на берег Волги. Но мы согласились бы скорее умереть, чем пропустить его. Прямым попаданием снаряда из танка разбило орудие, все ближе были автоматчики. Мы оставили по одному бойцу с каждой бронебойки, а остальных собрали в группу, чтобы обороняться от вражеской пехоты. Ваня Коваль вел огонь из бронебойки, Алеша Очкин — из пушки. Неподалеку от меня с ПТР были два бойца из пополнения. Они с недоумением поглядывали на лейтенантов: «Что, мол, думают себе наши командиры. Ведь фашисты сейчас раздавят нас, а они ноль внимания». Ваня Коваль был, как всегда, невозмутим, а Очкин вел себя словно на стрельбище: будто и не слышал, как рядом рвались снаряды и пулеметные очереди молотили по щитам орудий. «Хоть бы поостерегся», — подумал я и вспомнил: Алеша контужен еще на Мамаевом кургане.

У Коли Граждетского кончились снаряды, последним бронебойным лейтенант Очкин подбил фашистский танк и, спрыгнув с автоматом в ровик, приготовил гранаты. Он оглядел бойцов своего подразделения, бойцов Коваля, остановил взгляд на новичках.

«Ага, — подумал я, — Алеша видно вспомнил, что он не только командир, но и комсорг. Хочет, видимо, угадать, как его комсомольцы примут последний смертный бой». Если бы было можно, я сам бы пробрался к каждому бойцу, подбодрил словом. Но нельзя было уйти из этого окопа: нас не густо, а фашистские автоматчики так и норовили просочиться.

Леденящий, выворачивающий душу лязг танков все нарастал. Уже не было сомнения, что эта стальная лавина нас раздавит. Я увидел, как Алексей Очкин, вынув

из гимнастерки комсомольский билет, что-то написал на нем, показал парторгу Кухте, который стрелял из автомата рядом. Степан Кухта взглянул на надпись и, наклонившись, крикнул соседу-бронебойщику, тот передал другому, и вот обрывки слов, которые написал комсорг в грохоте боя, долетели до меня: «... ни на шаг не отступлю»...

Кто-то из комсомольцев тоже повторил на своем билете клятву Алексея, и, как от вспыхнувшей искры, передался бойцам благородный порыв комсомольского вожака. И будто новый прилив сил откуда-то появился, воспрянули духом израненные, почерневшие от порохового дыма боевые товарищи. Даже новенькие из пополнения преобразились, смелее подняли головы навстречу смерти. Стреляли они теперь метко, скупо, каждый патрон берегли, и по всему видно было — пока они живы, фашистам не пройти через их окопы.

Теперь можно сказать, что порыв комсомольских сердец сделал почти невозможное — не дал фашистам прорваться на нашем участке обороны к Волге. Мы оправдали надежды Военного совета — выстояли на Баррикадах в самые жестокие дни боев 27—29 сентября.

Но все это стало ясным потом, а тогда меня переполняла гордость за комсомольского вожака, за всех молодых бойцов-комсомольцев, которые взяли самое лучшее и самое чистое у таких закаленных коммунистов, как Сологуб, Богданович, Пивоваров, и не только впитали их мужество и стойкость, но и сами показывали пример другим, необстрелянным, пришедшим защищать святую землю у волжских берегов.

Когда казалось, что фашисты уже торжествуют победу, что сил больше у нас нет, мы, наперекор всему, все-таки держались. К вечеру справа от нас капитан Асеев, собрав свой последний резерв, контратаковал

противника. Василий Андреевич Асеев отбросил фашистов на прежний рубеж, но сам погиб. Этот замечательный человек навсегда оставил о себе память у всех боевых товарищей, которым довелось быть с ним в жестоких боях за Мамаев курган, поселки Красный Октябрь и Баррикады.

После жестоких боев за Баррикады исполнилось то, что пообещал Годлевский: в часть стало поступать все больше и больше пополнения. Это были бойцы разных национальностей, из разных республик: русские, украинцы, казахи, татары, латыши, белорусы. Тогда появился в нашей части и лейтенант Шутов, который стал потом одним из помощников командира бессмертных.

С бойцами и командирами из пополнения мне приходилось знакомиться в бою и лишь в короткое ночное затишье перемолвиться словом. Наблюдая за ними, я думал: «Вот пройдут они несколько боев с нами, и среди них появятся такие же герои, какие были у нас в боях на Дону, Мамаевом кургане, Красном Октябре и Баррикадах, появятся такие же комсомольские вожаки, как Алеша Очкин, которые в критическую минуту дадут себе клятву и призовут других не отходить ни на шаг с рубежа, что доверила Родина, отдадут, если понадобится, самое дорогое, что дается человеку, — жизнь.

Раздумывая тогда обо всем этом, я, конечно, не предполагал, что скоро нам предстоит самое тяжелое испытание за всю великую битву.

Гитлеровцы подбрасывали все новые и новые силы танков и пехоты, стремясь любой ценой овладеть всем городом. А командарм Чуйков мог противопоставить им маневр своих сильно истощенных частей и соединений да железную стойкость, инициативу и находчивость командиров и бойцов. Понимая это, мы словно вросли в узкую кромку волжского берега.

Бессмертный подвиг

— Ишь, работяга, опять летит! — Вася Шутов прислушался к мерному тарахтению, нарастающему со стороны Волги.

«Кукурузник» — так бойцы называли наш ночной бомбардировщик ПО-2, — не долетев до передовой, затих и с выключенным мотором начал угощать подарками фашистов — на их головы полетели бомбы, гранаты. Взрывы глухим эхом нарушили ночную тишину.

И снова все замерло, только изредка в черном осеннем небе пролетали трассирующие пули да с треском полыхали дома Верхнего поселка; иногда из-за Волги бухали наши тяжелые орудия, и снаряды рвались далеко в глубине вражеской обороны. Стояла необычная «тишина».

— Ну смотри, Вася, в оба, — на прощание предупредил я лейтенанта: — фашисты долго не дадут отдыхать.

Из батареи Шутова, которая стояла со взводом ПТР у стадиона Верхнего поселка тракторного завода, я вернулся на площадь имени Дзержинского. Здесь по приказу командующего армией Чуйкова был создан противотанковый район обороны под командованием лейтенанта Очкина. В него вошли три «сорокопятки», девять ружей ПТР и десять бойцов «охотников» за танками, вооруженных бутылками «КС» и гранатами.

— Кто идет? — раздался окрик откуда-то из-под земли, когда я подходил к площади. Оказывается, это Коля Сергиенко так искусно замаскировал свой круглый окоп-колодец, что я чуть не ввалился в него.

— Вас дожидаются там, — он махнул рукой в сторону сквера, где располагалось левофланговое орудие.

Невдалеке, сквозь жидкие, перебитые осколками кустики виднелась огневая позиция пушки. У ровиков чернели фигуры бойцов. Здесь собрались комсомольцы, выделенные каждым орудийным расчетом и взводом бронебойщиков.

Вопрос один: прием в комсомол. Среди бойцов я увидел помощника начальника политотдела дивизии по комсомолу Жору Либмана.

Первым принимали Ваню Федорова. Он подал заявление еще под Гумраком, но все время шли беспрерывные бои; в боях на Баррикадах Ваня был ранен и последние две недели лечился в медсанбате на левом берегу Волги. И только в этот вечер выдалось короткое затишье.

Сержант Кухта старательно раскуривал цигарку, бросая красные отблески на листок с каракулями Вани, а комсорг Очкин читал. Заявление Федорова заканчивалось словами:

«Если потребуется, то жизнь отдам, а пить им, гадам, из Волги не дам!»

Так юноша по-своему передал клятву, которую писали наши комсомольцы на своих членских билетах.

— Все знают Федорова, может, обойдемся без биографии? — спросил Алексей.

Биография парнишки начиналась на наших глазах. Три месяца миновало с тех пор, как Ваня забрался в воинский эшелон и приехал к нам на фронт. Все знали, как он храбро воевал.

Приняли его единогласно, политрук Либман тут же выписал комсомольский билет и торжественно вручил его Ване Федорову. Все мы его особенно тепло поздравляли. Сияющий и гордый, он подошел ко мне с комсомольским билетом в руке. Я обнял Ванюшку.

— Ну, собирайся за Волгу. Погостил и хватит!

— Не поеду, — буркнул Ваня, но сразу спохватился и замолчал.

— Товарищ комиссар! Разрешите остаться в строю комсомольцу Федорову! — снова заговорил он.

— Ты еще не долечился. Как выпишут из медсанбата, так и приедешь.

— Не отсылайте, товарищ комиссар, — опять начал просить Ваня. — Вот Павка Корчагин в шестнадцать лет полком командовал. Сами рассказывали, а меня с передовой прогоняете...

Не удалось тогда закончить наш разговор. На батарею пришли начальник артиллерии подполковник Годлевский и замкомдив Михалицин. Подполковника Петра Тихоновича Михалицина я увидел впервые, но был уже наслышан о его мужестве и скромности. Этот красивый, стройный офицер прославился в финскую войну как отважный разведчик; за подвиги тогда он был удостоен звания Героя Советского Союза.

Годлевский и Михалицин пошли смотреть запасные огневые позиции на случай прорыва танков в завод. Выбрали у сборочного цеха. Возвращались по центральной заводской аллее. Фашисты с самолета вешали на парашютах «фонари» — осветительные бомбы. Я посмотрел на серьезное лицо Алексея Очкина, который уверенной походкой шел рядом с солидными подполковниками, и заметил, как возмужал за эти три месяца мой друг. В нем появилась командирская рассудительность и выдержка. И это не случайно. Из каких только переделок не выходил Алексей в многочисленных боях, которые нам пришлось выдержать за это время.

В ту ночь Михалицин и Годлевский долго задержались у нас — поступили тревожные сведения: противник сосредоточивает на нашем участке огромные силы. Мы вместе обошли все орудийные расчеты, ячейки бронебойщиков и «охотников» в колодцах. Проверили готовность бойцов, запас боеприпасов, заставили кое-где углубить ровики и ходы сообщения. Побывали и в батарее Шутова. Начальнику артиллерии особенно понравилась старательность и смекалка лейтенанта Шутова — он умело расставил и искусно замаскировал орудия и противотанковые ружья в развалинах домов, подвез большое количество боеприпасов. Когда Николай Иванович Годлевский похвалил командира батареи, то Вася так смутился, что ничего не смог ответить на благодарность начальника артиллерии.

Михалицин Петр Тихонович.

Только на рассвете мне удалось ненадолго задремать в ровике у центральной пушки. Разбудил меня страшный грохот. С первыми лучами солнца в небе появились сотни фашистских самолетов. Земля, как живая, дрожала от разрывов бомб, снарядов и мин. Началось самое жестокое и большое по своим масштабам сражение за всю великую битву.

«Наступило 14 октября — день небывалого по жестокости за весь период боев за Сталинград сражения», — пишет Маршал Советского Союза В. И. Чуйков в своей книге «Начало пути». Василий Иванович Чуйков очень точно характеризует эти бои: «Правильно будет сказать, что день 14 октября для нас был самым критическим днем. Мы, многое уже пережившие в Сталинграде до 14 октября, новое наступление гитлеровцев запомнили на всю жизнь.

Около трех тысяч самолето-вылетов насчитали мы за один этот день! Фашистские самолеты бомбили и штурмовали наши боевые порядки без передышки. Артиллерия и минометы врага с утра до темной ночи засыпали снарядами и минами весь район боя. Был солнечный день, но от дыма и копоти видимость сократилась до ста метров. Наши блиндажи тряслись и рушились, как карточные домики.

В 11 часов 30 минут до 180 танков прорвались через боевые порядки дивизии Жолудева. Они смяли левый фланг дивизии Сологуба и вышли к стадиону СТЗ».

Да, все было именно так. Гитлер решил любой ценой взять город.

Едва осела сухая земля и развеялся черный дым после многочасовой бомбардировки, на нас ринулись десятки танков. Они хлынули на площадь с трех сторон.

За бронированными машинами, остервенело строча на ходу, перебегали большие группы автоматчиков. Левофланговое орудие, у которого заряжающим был Ваня, первым открыло огонь. От попадания снаряда в танк разорвались расположенные внутри снаряды, затем вспыхнуло горючее и повалил густой дым. Танк, приближавшийся сзади, под прикрытием дыма пытался увильнуть, но ему тут же продырявили борт. Дружный залп орудий Граждетского и Медведева и меткий огонь бронебойщиков уничтожил еще четыре машины. Из колодцев полетели бутылки «КС». И не успели мы вздохнуть, как на нас снова обрушилась авиация. На этот раз вся сила авиационного удара была направлена на площадь Дзержинского и прилегающие к ней развалины кварталов и завода. На самой площади — воронка на воронке. Позади, там, где завод, — сплошное железобетонное месиво. Прямым попаданием бомбы было уничтожено правофланговое орудие и полностью вышел из строя расчет. Были убитые и раненые. Командира орудия Сашу Медведева ранило в шею и лицо, но он остался в строю, заменив убитого бронебойщика. Боеспособных осталось почти вдвое меньше. После этой бомбардировки и ураганного обстрела гитлеровцы двинулись на нас. Враг думал, что путь к Волге теперь свободен. Но они жестоко просчитались.

Маринец Иван Михайлович.

— Беглый огонь! — скомандовал лейтенант Очкин. Сразу было подбито три танка. Задние остановились, но теперь в них полетели бутылки с горючей жидкостью. Фашисты обожглись и стали действовать более осторожно: танки расползлись в укрытия и оттуда открыли огонь из своих пушек, автоматчики рассыпались по близлежащим улицам, залегли и патронов не жалели. Шквал пуль молотил по щитам наших орудий, нельзя было поднять головы. Справа, совсем близко, фашисты поставили пулемет. К нашей левофланговой пушке прорвалась группа автоматчиков. Оставшиеся в живых — командир орудия, Ваня Федоров и еще один боец — отбивались гранатами. Центральную огневую позицию окружили автоматчики. Осмелев, на нас снова выползли танки. Силы были слишком неравны. Контратаковать врага нам было нечем.

В расчете Федорова упал, сраженный автоматчиком, командир орудия, был убит последний боец. Я видел, как Ваня, сам весь в крови, из ровика у самой пушки бросил несколько гранат и без передышки опустошил в обнаглевших фашистов весь автоматный диск. Две бронированные машины повернули к его орудию. Но пушка молчала, ствол ее беспомощно уткнулся в землю: при последней бомбежке она была разбита.

Один из танков брызнул огнем, и снаряд разорвался недалеко от орудия. Сердце заныло, в висках застучала кровь... Но вдруг в черном дыму мелькнула серая шинель. Я не отрывал глаз от Вани. В разрывах дыма видно было: он бросился к убитому бойцу, схватил автомат, спрыгнул в окоп и снова поливал свинцом фашистов.

— Жив! Жив! — невольно вырвалось у меня.

И, как бы выйдя из оцепенения от моего крика, Алексей с остервенением швырнул гранату, бросился было

из ровика на выручку своему названому брату. Но я успел схватить его и толкнуть к орудию.

— Вправо, вправо гляди. Бей по танкам!

Наводчика ранило, и Алексей, прильнув к панораме, стал быстро крутить ручку поворотного механизма. Ему удалось подбить танк с первого выстрела. Потом он стал поворачивать ствол налево. Я догадывался, что Алеше больше всего хотелось прийти на помощь Ванюше. Но для того, чтобы развернуть орудие влево и огнем отогнать фашистов от позиции Федорова, поворотного механизма не хватало. Мы теряли драгоценные секунды, пока поворачивали пушку за станины.

В эти секунды каким-то чудом Ваня оставался еще живым. Одна рука у него повисла плетью, а он, привалившись к стенке окопчика, здоровой рукой бросил гранату. И тут же подле него опять разорвался снаряд. Ваня, наверное, снова был ранен; некоторое время он был неподвижен, но вдруг мальчуган приподнялся. Помогая себе окровавленным обрубком руки, с зажатой в зубах противотанковой гранатой пополз навстречу бронированной машине. Фашист был уверен, что боец убит, не свернул в сторону. Ваня дополз к грохочущей громаде и лег под гусеницы... Тотчас же раздался взрыв. Алексей, белый как мел, сжав челюсти так, что на щеках выступили желваки, в упор картечью расстреливал гитлеровцев.

Мы потеряли нашего юного боевого друга. Нам некогда было тогда подумать и оценить все величие подвига Вани Федорова, комсомольца, который только один день носил у сердца билет члена Ленинского Союза Молодежи.

Мы продолжали отбиваться от наседающих фашистов. Я посмотрел на Алексея. Лицо его было суровым, а по щекам текли слезы.

Танки не смогли пройти через наш рубеж и устремились в обход завода с юга. Мы видели и слышали, как героически дрались бойцы 37 гвардейской, но стальной таран, пробив боевые порядки, уже проник в завод. Надо было срочно переходить на запасные позиции в районе сборочного цеха. Но как оторваться от автоматчиков и прорваться сквозь огненное кольцо?

И мы были вынуждены оставаться, хотя с каждой минутой силы наши таяли. Фашисты снова и снова бомбили и обстреливали нас из минометов. Оставалось одно: в тот момент, когда фашисты в страхе прятали головы от своих же бомб и снарядов, пробиться на территорию завода. Рискованно, смертельно опасно, но медлить было больше нельзя. Первыми, расчищая себе путь гранатами, пошли на прорыв несколько бойцов во главе с Алексеем Очкиным. Сделав удачный бросок, они залегли в воронках и, ведя огонь из автоматов, дали возможность Степану Кухте, Коле Граждетскому и мне перекатить к проходной уцелевшую пушку, перетащить туда раненых и перейти бронебойщикам с противотанковыми ружьями.

Вначале мы занимали оборону у заводской стены, а с темнотой перебрались в сборочный цех. Цех громадный, а нас осталось всего лишь пятнадцать бойцов. Мы быстро заняли позиции у окон, проемов стен; орудие установили в воротах цеха.

Раненые метались в горячке, стонали, просили пить. Им надо было сделать перевязки. Но ни один из нас не мог ни на секунду покинуть своего места. По всему заводу непрерывно шла ожесточенная перестрелка. Гулко и басовито строчили пулеметы. Свой смертоносный груз изрыгали минометы. Мины с воем летели над нашими головами и рвались в обломках ферм, осыпая нас дождем свистящих осколков.

Трассирующие пули огненными струями прорезали цех во всех направлениях. От ракет временами становилось светло, как днем. Кругом такое делалось, что трудно было понять, где наши, где фашисты.

В полночь из соседнего цеха к нам пробрался рабочий дружинник. Передо мной стоял высокий пожилой человек в промасленной телогрейке, очень худой и с такими же пышными усами, как у нашего Черношейкина.

— Может, чем могу помочь, командир?

— Надо, старина, во что бы то ни стало достать воды.

Рабочий ушел. Через полчаса он вернулся с ведром из-под смазки, наполненным ржавой водой. Этой водой мы напоили раненых. Потом, пользуясь коротким затишьем, порвали свои нижние рубашки и сделали перевязки.

Нам удалось установить связь с соседними гарнизонами, которые, как и мы, дрались в развалинах тракторного завода. Справа от нас оборонялась группа бойцов из нашего 524 полка. Слева — оставшиеся в живых из другого полка. Там же оказался лейтенант Шутов с красноармейцем Шаповаленко и еще одним бойцом. Вася со своими бойцами перебрался к нам и под утро, когда фашисты немного угомонились, рассказал о последнем поединке своей батареи.

Вот что запомнилось мне из его рассказа.

В батарее лейтенанта Шутова, занимавшей оборону в районе стадиона на тракторном, было три орудия и противотанковые ружья. Утром четырнадцатого октября после первых налетов фашистской авиации два орудия, не успевшие сделать ни одного выстрела, были разбиты и более половины бойцов выбыли из строя. Шутов сумел отправить всех раненых в Нижний поселок и оттуда к переправе. В батарее осталась одна единственная пуш-

ка красноармейца Шаповаленко и восемь противотанковых ружей. Бомбардировка и артиллерийская подготовка продолжались долго. Потом на какое-то мгновение все стихло, и с бугра ринулась стальная лавина фашистских танков, за которыми, прижимаясь к броне, бежали группы автоматчиков. Наши бронебойщики, засевшие в окопах и развалинах домов, первыми открыли огонь и подбили четыре машины. Однако это не остановило гитлеровцев. Наших пехотинцев уже утюжили танки. Но даже, глядя смерти в лицо, никто из них не отступил, сражался до последнего, в ход пошли бутылки «КС», гранаты. При первой атаке удалось отсечь фашистскую пехоту от танков и заставить залечь. Обозленные неудачей, фашисты снова засыпали наших бойцов снарядами и минами. Танки остановились и открыли беспорядочный огонь из орудий и пулеметов.

— Вскоре последовала новая атака, — продолжал свой рассказ Вася. Враг намного превосходил нас в силах, но разве мог он сравниться с нашими воинами в отваге, мужестве, готовности отдать жизнь за Родину!

Последнее орудие лейтенанта Шутова было установлено в подъезде полуразрушенного дома и хорошо замаскировано. Бронебойщики и пехотинцы вывели из строя уже десятки фашистских танков, многие из них горели, заволакивая все вокруг клубами черного смрадного дыма. И все-таки танки прорвали нашу оборону и медленно растекались в ее глубину. В развалинах, где было замаскировано орудие Шаповаленко, в каких-нибудь тридцати метрах от него, выползая из-за дымящихся руин, появились сразу четыре танка. Выстрел в упор, за ним второй — и две фашистские машины с исковерканными башнями остановились. Но в это время разрыв прямо перед пушкой оглушил и ослепил наших бойцов, посыпались кирпичи, все заволокло сплошным едким

дымом, красной удушливой пылью. Это уцелевший танк, обнаружив наше орудие, почти в упор выстрелил из танковой пушки. От героической батареи Васи Шутова осталось трое: Шаповаленко, один боец и сам Шутов. Вскоре к ним присоединились пять солдат-пехотинцев. Они до вечера оборонялись в руинах дома, где погибло последнее орудие, а ночью пробрались в завод.

Слушая Шутова, я вспомнил, как он прибыл к нам в дивизион. Всего две недели назад на Баррикадах он впервые участвовал с нами в бою, но мы все уже полюбили Иллариона Федоровича Шутова. Льняные, совершенно белые волосы, светлые ресницы, огромные серые глаза. Внешне весь облик какой-то нежный, женственный...

«Не командир, а девушка», — подумал я о нем при первой встрече.

А звали мы его просто Вася. Я случайно прочитал на конверте его письма: Васе Шутову, и он, заметив мое удивление, покраснел до ушей и рассказал, что, будучи после госпиталя в резерве комсостава, познакомился с девушкой и отрекомендовался ей Васей: ему почему-то не нравилось свое имя Илларион. С тех пор и привилось к Иллариону Шутову — Вася.

Отдавая приказания, Шутов стеснялся, как бы боялся обидеть бойца. Он часто говорил бойцам вместо командирского «приказываю», «выполняйте» — «сделайте, пожалуйста», или «думаю, Вы сможете сделать».

Но скоро мы убедились, чего стоит Шутов в бою. Казалось, он не знал, что такое страх, сам весь преображался, командовал уверенно, властно, смело принимал самостоятельные решения.

...Утро началось снова с жестокой бомбардировки. Нам удалось из орудия уничтожить два танка, а потом пушку нашу разбило вдребезги и засыпало в обломках

рухнувшей стены. Фашисты снова полезли в атаку.

К полудню разбитые фермы рухнули вместе с крышей, в стенах зияли проломы и пробоины. Десять тяжело раненых лежали незащищенными, троих из них убило осколками мин и снарядов. Надо было спасти хоть остальных. Посоветовавшись, решили, что с группой бойцов я прорвусь в Нижний поселок, где раньше размещался командный пункт нашей дивизии, и укрою там раненых.

Еще 13-го меня вызывали на КП в политотдел, и я обратил внимание на толстые стены подвала с несколькими, похожими на амбразуры, окнами для ссыпки угля. Я решил пробиться в это здание, укрыть там раненых, оказать им возможную помощь и, если удастся, отправить их к переправе.

Действовали двумя группами. Степан Кухта, Саша Медведев, который, несмотря на серьезное ранение, находился в строю, Шаповаленко и другие бойцы переносили раненых, смастерив из плащ-палаток и противотанковых ружей подобие носилок, а мы с лейтенантом Ковалем и Колей Граждетским возглавили группу прикрытия. В подвал бывшего КП пробились удачно. Там оказалось около двух десятков людей, бойцы из охраны штаба, связисты, дивизионные саперы, связные от частей.

Я очень обрадовался, увидев среди них старшину Рогова. Садок Захарович быстро и спокойно докладывал:

— Только что был подполковник Годлевский, оставил меня за старшего. Сам он пошел уточнить обстановку, — добавил Рогов, показав рукой на горящую дверь.

Не успел я толком расставить людей для боя, как наш дом окружили танки и автоматчики. Бойцы с автоматами, карабинами и гранатами прильнули к окнам-амбразурам и двери, ведущей в подвал. Каменные стены содрогались от ударов снарядов, ливень пуль снопом бил в отверстия и дверь. Вдруг раздался сильный взрыв. Волна горячего воздуха, переполненного смрадом и дымом, с силой ударила во все стороны, оглушив и свалив многих с ног. В этот же момент через окно на цементный пол рухнуло чье-то изуродованное тело. Секунды оцепенения. Я догадался: снаряд из танка угодил прямо в окно.

Рассеялся дым. Паники не было, лица бойцов выражали суровую решимость.

—Товарищ старший лейтенант, они здесь не пройдут, — раздался голос Степана Кухты. С тремя бойцами он занял оборону у двери. Лейтенант Коваль и Шаповаленко с несколькими красноармейцами зорко следили за окнами. В одном из них Коваль приладил противотанковое ружье.

— Комиссар, это наш подполковник! — воскликнул Рогов, склонившись над погибшим.

И вот у меня в руках партийный билет, служебное удостоверение подполковника, орден Красной Звезды, медаль XX лет РККА.

Не время было скорбеть. Солдатской плащ-палаткой укрыли мы тело, по русскому обычаю накрыли лицо полотенцем. Минутой молчания отдали последнюю воинскую почесть подполковнику Николаю Ивановичу Годлевскому — верному сподвижнику комдива Сологуба, одному из героев Великой битвы.

Фашисты временно утихли. На наше счастье, в подвале осталось несколько ящиков с патронами и гранатами, два бачка питьевой воды.

Но скоро я понял, что мы оказались в своеобразном каменном мешке: из этого крайнего отсека подвала не было выхода на верхние этажи, где можно было организовать оборону. Здесь неудобно было уничтожать фашис-

тов из двух окон, низко расположенных к земле. Надо было принять правильное решение: сделать проход в основную часть подвала и там занять прочную оборону. Обороняться наверху невозможно, потому что все здание от первого до четвертого этажа было охвачено огнем: оно было подожжено еще утром прямым попаданием бомбы. Нас спасало только прочное железобетонное перекрытие, но жара была, как в печке.

Штыками и куском железной балки, случайно найденном в подвале, мы стали пробивать брешь в смежный отсек подвала. К вечеру неподалеку мы услышали гул сильного боя. Первым эту весть принес Кухта, дежуривший у входной двери.

— Слышите, товарищи, мы не одни, кто-то еще вовсю воюет в районе тракторного, — подбадривал он бойцов.

Более пяти часов, сменяя друг друга для короткого отдыха, мы долбили крепкий железобетон. Наконец, самый худой из нас — сержант Граждетский — протиснулся в пробитое отверстие.

— В подвале ни души! — крикнул Коля в пролом, обследовав все помещение. Пока мы расширяли проход, я послал Граждетского в разведку.

— Кругом во всех зданиях Нижнего поселка засели гитлеровцы, между нашим домом и Мокрой Мечеткой фашистские солдаты роют окопы, а в одном месте даже устанавливают зенитную батарею, — волнуясь и тяжело дыша, докладывал Коля. — А на самом обрыве обороняются наши, — добавил он.

— Спокойно, Николай, ты что так волнуешься? — спросил я сержанта.

Оказалось, что в недостроенном здании Дворца культуры Граждетского схватили фашисты. Он пошел без автомата, только в карманы предусмотрительно запих-

нул по гранате. Смекалистый парень не растерялся. Еще со школы помня немецкий, он сказал фашистам, что его, мол, послали выяснить, где можно сдаться в плен. Ткнул рукой влево от Нижнего поселка: вот там-де в подвале находятся русские солдаты. Фашисты поверили и приказали Коле привести остальных. Взволнованный, он кружным путем приполз к дому.

Медлить было нельзя. Мы перебрались во второй отсек, перенесли туда раненых товарищей. Заняли оборону на первом этаже и у окон подвала. От полыхающих домов было светло, как днем.

Долго тянулась тревожная ночь. Хотя мы не спали уже двое суток, но никто не сомкнул глаз: укрепляли свои боевые позиции. Часть окон заложили двумя рядами кирпича, входы в здание завалили обгоревшими кроватями и уцелевшей в подвале мебелью.

Едва рассвело, фашисты начали атаки. Гитлеровцы бросили на штурм целый батальон, из-за ближайших домов не раз выползали танки. В этот день мы отразили шесть атак, все попытки выбить нас из дома кончились тем, что пьяные толпы фашистских солдат с дикими криками откатывались, оставляя десятки трупов.

Направо от нас, в Спартановке, целый день был слышен грохот боя, фашистские самолеты непрестанно бомбили там наши боевые порядки. Не прекращался бой и на берегу Волги, за Дворцом культуры.

Поздно вечером все собрались в подвале, оставив наверху только наблюдателей.

Подвели итоги дня. Положение складывалось тяжелое. В строю немногим больше десятка человек. Раненых чуть не вдвое больше. Ваня Коваль с пробитой кистью и забинтованной головой целый день руководил своей группой бойцов. При себе держал последнюю бронебойку и сумел подбить два танка. Несмотря на ране-

ние, не покидал своего поста Шаповаленко. Когда в одной из атак пять гитлеровцев ворвались в дом, он забросал их гранатами и уничтожил всех до одного. А парторг Степан Кухта организовал «взвод» автоматчиков: с тремя бойцами, вооруженными автоматами, он всегда оказывался там, где становилось особенно тяжело.

— Что дальше будем делать, товарищ старший лейтенант? — первым спросил Рогов.

— Драться, до конца будем стоять, — горячо ответил ему Степан Кухта, — должна же прийти помощь, в дивизии знают, что здесь идет бой.

— Всем по своим местам, друзья! — вместо ответа Рогову дал я команду своим боевым товарищам.

— Раненых нечем напоить, — сказал мне Кухта, когда все ушли.

— Завтра будем драться, Степан.

Весь третий день — семнадцатого октября, уже не имея воды и пищи. мы отбивали атаки врага. Степан Кухта и Ваня Коваль, как и в первые дни, были душой обороны дома. Степан пошел на небольшую хитрость: он заранее у каждого окна разложил по нескольку гранат и, перебегая по этажу, забрасывал ими гитлеровцев там, где фашисты приближались к дому. А Ваня Коваль с бойцом-сапером ночью где-то под носом у фашистов добыл несколько противопехотных мин и установил их перед домом. Для гитлеровских солдат это оказалось неприятным сюрпризом.

Силы наши таяли, боеприпасы подходили к концу, отражать атаки было больше нечем, но люди не падали духом. Самое тяжелое было видеть раненых. Беспомощные, они стонали и просили пить, а мы, здоровые, ничем не могли помочь. У нас к концу третьего дня было четырнадцать тяжелораненых бойцов, не считая тех, кто

оставался на боевом посту, несмотря на ранение.

Решили поздно вечером пробиться к своим. Стремительно вырвались из дома, забросали фашистов и их огневые точки последними гранатами, прорвали оборону и вышли в сторону Мечетки. В этом последнем бою со мной рядом, не отставая ни на шаг, был верный друг — Степан Сергеевич Кухта. Мы сумели пробиться уже метров на сто, как вдруг со стороны Волги затарахтел, захлебываясь длинной очередью, пулемет.

— Вот, сволочи, из «максима» садят! — выругался Степан, определив по звуку, что пулемет наш, и думая, что это стреляет враг. К счастью, наших никого не задело, группа фашистов, преследовавшая нас, была частично уничтожена и разбежалась.

Немного позднее мне стало ясным, что это наши пулеметчики с кручи, услышав бой, поддерживали прорыв группы из дома. Мы не смогли тогда вынести останки Николая Ивановича Годлевского: почти каждый из нас, идя на прорыв, или тащил, или помогал идти тяжелораненому товарищу.

При прорыве мне не повезло: я был ранен и контужен взрывом гранаты. В передовом отряде медсанбата мы узнали от врачей и сестер, что на волжской круче сражается группа Очкина. Часть бойцов, чтобы эвакуировать товарищей, которых мы вынесли, пошли со мною к переправе в Спартановку, а четверых со Степаном Кухтой я отправил на кручу Волги, к Алексею.

Подробности героического боя на волжском берегу я узнал еще тогда от парторга Кухты, Васи Шутова и других, оставшихся в живых, а позднее от самого командира, когда он вернулся из госпиталя.

Что же произошло с группой Алексея Очкина после того, как пятнадцатого октября я прорвался из сборочного цеха на бывший командный пункт дивизии?

Сильный бой разгорелся в кузнечном цехе. В гарнизоне 524 полка убило командира. Подтянув танки, гитлеровцы выбили наших из цеха, отдельные бойцы перебежками начали отходить.

Лейтенант Очкин со своей группой бросился наперерез отступающим пехотинцам. Ему удалось их остановить, собрать и организовать контратаку. Внезапный налет принес успех: фашисты отступили. Потом фашисты выбили их. Однако наши бойцы опять ворвались в цех, и тут же Алексей приказал отходить. Фашисты на радостях вломились в развалины грязно-серой орущей толпой, но в спину им ударили автоматные очереди, полетели гранаты. Почти все гитлеровцы, ворвавшиеся в цех, полегли от меткого огня наших бойцов, укрывшихся в засаде. Маневр удался: несмотря на явное превосходство в силах, фашисты уже не лезли напролом, группе Очкина удалось занять выгодные позиции и долгое время удерживать их. Кузнечный цех сохранился лучше сборочного и оказался для обороны более приспособленным. Фашисты не смогли своим многократным превосходством сломить сопротивление разрозненных маленьких гарнизонов, стойко державших оборону в заводских цехах.

Группа Алексея Очкина (бойцы 37 гвардейской, остатки полков нашей дивизии, горстка рабочих-дружинников) стойко держала оборону. Свежие силы фашистов теперь хлынули в завод со стороны площади Дзержинского и с Нижнего поселка.

С немецкой точностью и методичностью фашисты приступили к уничтожению наших небольших гарнизонов. Фашисты установили минометные батареи, выдвинули на прямую наводку полковые пушки и танки. От сильного артиллерийского и минометного обстрела все заволокло сплошной завесой бетонной пыли, с новой

силой запылали еще не сгоревшие развалины. От огня на наших бойцах тлела одежда, едкий дым вспыхнувших горячих масел разъедал глаза. В пламени, среди раскаленной арматуры, рвались снаряды и мины. Окружив горстку оставшихся в живых бойцов, фашисты решили уничтожить или сжечь героев в огне. Боеприпасы кончались, отстреливаться было нечем, дышать — тоже нечем. Вот-вот вспыхнет одежда... Один из бойцов не выдержал — рванулся из цеха, но тут же был сражен автоматной очередью. Что делать? Сгореть в огне?

Накануне, четырнадцатого, в дивизию еще доставляли на лодчонках боеприпасы. Алексей знал: боеприпасы под обрывом. Он передал по цепочке:

«Ребята! Будем прорываться к Волге, в Нижний поселок! Там патроны, там наша жизнь, а им смерть!»

Фашисты уже думали, что русские солдаты сгорели. Но советские воины вырвались из огня и, сами в огне, бросились на опешивших от неожиданности гитлеровцев. Красноармейцы бросали последние гранаты, израсходовали последние патроны. Своими молодыми жизнями проломили они железное кольцо смерти. Прорвались!

И вот в первом же доме возле восточной проходной Алексей Очкин собрал уцелевших бойцов из других гарнизонов, присоединил их к своей группе, вселил веру в собственные силы. Вначале он предполагал занять круговую оборону в недостроенном Дворце культуры Нижнего поселка. Там оказались врачи и сестры из передового отряда медсанбата. В большинстве своем они были без оружия, но без приказа не отходили. Когда Алексей и его группа прорвались туда, к Дворцу уже подходили танки и вели по нему огонь. Под их прикрытием, перебежками накапливалась фашистская пехота. Чуть ли не силой Очкин заставил врачей и сестер спу-

ститься на берег и оттуда уйти за Мечетку — даже безоружные, они хотели остаться в строю. Бойцы проводили врачей до обрыва, прикрыли их отход. И тут, разгадав намерение противника окружить Дворец культуры, Алексей принял дерзкое решение — занять оборону на самой кромке кручи. Это исключало возможность обхода противником, к тому же и боеприпасы находились совсем рядом — под обрывом. И действительно, как подтвердилось позднее, позиция эта оказалась очень удачной. Кромка отвесно падающей кручи, на которой располагались бойцы, была мало уязвимой. Бомбардировка и артиллерийский обстрел причиняли группе лишь незначительные потери. Сколько ни пикировали самолеты — попасть в самую кромку они не могли. Бомбы, снаряды и мины рвались или впереди, или позади — внизу в Волге. Танки тоже не смогли подойти близко — многотонная бронированная машина ухнула бы с кручи вместе с землей.

Но в первый день группа Алексея Очкина все же понесла наиболее значительные потери. Противник беспрерывно атаковал, и у бойцов не было времени отрыть ячейки, поэтому вплоть до вечера они лежали совершенно незащищенными у самого края обрыва. Когда отбили вторую атаку и сожгли четыре танка, фашисты откатились и вызвали авиацию. Тогда бойцы поднялись в контратаку, чтобы сблизиться с противником и не дать возможности ему бомбить. Мы, бойцы армии Чуйкова, тогда уже понимали хорошо, что ближний бой фашистам невыгоден, так как в этом случае они не могут использовать своего преимущества в авиации.

Только с наступлением темноты Алексей отдал приказ срочно долбить ячейки на отвесной круче. «Комдив», так в шутку прозвали Очкина бойцы, собранные им из разных частей дивизии, ползал по круче на животе.

Лейтенанту хотелось взглянуть своим солдатам в глаза, подбодрить их, проверить, хорошо ли отрыта ячейка, хватит ли боеприпасов на завтра.

Этой ночью он узнал, что у него в группе вместе с ранеными и погибшими в первый день — пятьдесят два бойца, а с теми, что пришли потом из моей группы во главе со Степаном Кухтой, стало пятьдесят семь.

О каждом из них можно написать героическую книгу, но, к сожалению, мы не знали их фамилий и имен: многие бойцы были из стрелковых полков. Поэтому назову тех, кто был там из нашего истребительного дивизиона, и тех, кого сохранила память.

На самом правом фланге, почти на выступе угла, который образует отвесный волжский обрыв и крутой спуск в овраг с речушкой Мечеткой, впадающей здесь в Волгу, находилась ячейка Пивоварова.

Уже в первый день, когда бойцы заняли позиции, убило здесь пулеметчика 524 полка, одновременно ранило его напарника. Пулемет замолчал.

— Пивоварыч! Тряхни стариной, давай к пулемету! — крикнул ему Очкин.

Пивоваров был отличным пулеметчиком еще со времен гражданской войны. Не говоря ни слова в ответ командиру, не бросая бронебойки, он пополз к пулемету. Снова заговорил «максим». Хладнокровно управлялся со своим хозяйством Пивоваров, словно рабочий, обслуживающий два станка: то скосит пулеметом обезумевшую шеренгу фашистов, то из бронебойки метким выстрелом подобьет танк.

Не успел Алексей подумать, кого еще поставить к пулемету, как, не ожидая команды, там уже оказался бывалый солдат Черношейкин. Он отлично стал действовать за второго номера — проворно набивал пулеметные ленты. Глаза у него слезились, но Черношейкин

спокойно расчесывал пышные усы, делал свое дело, а когда надо было, брался и за бронебойку, стрелял из нее по танкам.

Боевой друг Алексея — Вася Шутов — стал на круче его первым помощником. «Начальник штаба», как его прозвали в группе, отвечал за левый фланг. Там у него было два ручных пулемета. Один пулемет он держал постоянно на круче, другой на ночь устанавливал на узкой песчаной полоске у воды, чтобы фашисты не смогли неожиданно обойти группу вдоль берега Волги.

Не отходил ни на шаг от своего «комдива» молчаливый Василий Зайцев. Он по-хозяйски расположился с противотанковым ружьем рядом с ячейкой командира, в центре обороны. Крепкосбитый сибиряк, смелый и спокойный, он сжег несколько танков.

Две группы автоматчиков возглавили отчаянные смельчаки Смородин и Сергиенко. На этих ребят можно было положиться. Они прошли большую боевую закалку, вместе с лейтенантом ходили еще в те смелые разведки за Доном и отважно воевали на такой же обрывистой круче на плацдарме у хутора Скиты, они готовы были идти за своим командиром в огонь и в воду.

Сержанта Казачок, он был из стрелкового полка нашей дивизии, прозвали «начальником артиллерии», Еще бы! В его распоряжении было два батальонных миномета. Отвесная круча была совсем близко к Волге, и, чтобы вести огонь, плиты минометов приходилось ставить на камнях прямо в воду. Сам «начарт» Казачок, молоденький, юркий паренек, находился на кромке обрыва и, как дирижер, взмахами рук показывал минометчикам: вправо, влево и ближе, дальше. Минометчики давали залп и, чтобы минометы не разбило при бомбежке и обстреле, убирали их под обрыв.

В группе воевала и отважная девушка — круглолицая, курносая Тоня. Антонина Моисеевна Давыдова была санинструктором батальона одной из стрелковых бригад, сражавшихся под Городищем и Орловкой. В первых числах октября бригада дралась в окружении. Контуженная и оглушенная, девушка вместе с группой воинов прорвалась на участке обороны нашей дивизии, затем оказалась в цехах тракторного в той группе бойцов, на соединение с которой пошли из сборочного цеха Очкин и Шутов. Так Тоня оказалась в группе сражавшихся на обрыве Волги.

Раннее утро второго дня началось с вражеских атак. Из-за Дворца культуры выползли несколько танков, под их прикрытием поднялись автоматчики. Но защитники кручи были начеку. Вася Шутов полоснул фашистских солдат длинной очередью своего пулемета. А в это время Зайцев хладнокровно прицелился из ружья и двумя меткими выстрелами подбил танк, за ним второй. Остальные, опасаясь гранат и зажигательных бутылок, остановились. Автоматчики хлынули из-под прикрытия брони, но Пивоваров кинжальным огнем своего станкового пулемета пригвоздил их к земле, а те, которые пытались спастись бегством, были уничтожены. Враг не успокоился, он не жалел своих солдат. До полудня атака следовала за атакой. Фашисты рассчитывали, видимо, что, как и накануне, бойцы контратакуют, и тогда гитлеровцы уничтожат смельчаков. Однако лейтенант Очкин не повел бойцов в контратаку. Зачем терять людей, рассудил он, если теперь они надежно укрыты в ячейках на обрыве. Потом прилетели вражеские пикировщики. Они бомбили, заходя над нашими позициями непрерывной каруселью, включая воющие сирены. Наши попробовали было попасть в них из бронебоек, но без специальных приспособлений к противотанковым ружьям ничего не получилось. После изнурительной

бомбардировки и обстрела до самого вечера — беспрерывные атаки.

В короткое ночное затишье в ячейку Очкина пришли на «военный совет» Пивоваров и Шутов. «Комдив» назначил старого коммуниста Пивоварова «замполитом», а Вася Шутов стал признанным «начальником штаба». Решали: как дальше вести бой, как продержаться возможно дольше и нанести наибольший урон фашистским танкам и автоматчикам.

— Фашистам нельзя давать покоя ночью, — первым заговорил Вася Шутов, — пусть они думают, что нас здесь полк или дивизия.

— Правильно, Вася, — поддержал его Очкин, — заставим поганых гитлеровцев бояться нас.

Решение пришло быстро: создать две группы автоматчиков из наиболее отчаянных и выносливых бойцов, вооружить автоматами, в их вещмешки нагрузить гранаты и запасные диски. Задача — ночные вылазки в расположение врага, наделать как можно больше шуму и одновременно разведать их силы.

— Ну как, Пивоварыч, одобряешь? — обратился Алексей к Пивоварову, изложив свой план.

— Дело говоришь, командир, — скупо, но твердо отозвался Пивоваров. — А во главе ребят надо поставить Колю Смородина и младшего сержанта Сергиенко.

— Значит, первое решение «военного совета» принимается, — пошутил Алексей Очкин. — А теперь, Вася, Смородина и Сергиенко быстро ко мне.

Через полчаса на правом и левом флангах, почти одновременно, поднялась трескотня автоматов, послышались частые разрывы гранат. Появление наших разведчиков вызвало основательный переполох. Фашисты, ожидая атак русских, до рассвета вели беспорядочный огонь.

Вскоре вернулся с правого фланга Смородин и доложил: «Потерь нет, а фашистов попугали основательно. У оврага много огневых средств, там идет перестрелка с нашими, которые держат оборону в поселках Спартановка и Рынок».

Через Мечетку Коле и его товарищам пробраться не удалось.

— Разрешите, товарищ лейтенант, еще раз по фашистам ударить, мы их от оврага прогоним.

— Нет, Коля, этого не делать: если распылим силы, то днем атак нам не сдержать. Если спать не хочется, — добавил командир, — то бери двух бойцов и поползай у фашистов под носом, беспокой их всю ночь. Только теперь в бой не ввязывайся.

Группа Смородина снова отправилась в разведку. Ей удалось проползти почти вдоль всего переднего края противника и вот что выяснилось: правый фланг фашистов подходил вплотную к Волге, в ста метрах от наших на круче, а затем уходил к домам Нижнего поселка. Во Дворце культуры у гитлеровцев был сильно укрепленный опорный пункт, между Дворцом и Мечеткой сплошных траншей не видно, пулеметов много.

Наконец, вернулся и Коля Сергиенко. Радостный и возбужденный, он докладывал лейтенанту:

— Метров двести гнали. Дошел фашист до Волги, а боится ее!

Оказалось, что младший сержант со своими бойцами незаметно подполз к фашистской обороне слева, забросал гранатами две пулеметные точки, перетрусившие гитлеровцы поспешно убежали и наши бойцы далеко прошли вдоль крутого берега Волги. Затем снова натолкнулись на траншею врага, завязали огневой бой. Вернулись только тогда, когда израсходовали весь запас патронов и гранат.

Эти удачные вылазки наших бойцов окончательно утвердили Алексея на мысли по ночам постоянно тревожить фашистов, не давать им покоя. Чем больше удавалось их беспокоить, тем увереннее чувствовали себя защитники кручи. Хорошо разведав передний край, они сумели поставить перед самым носом фашистов весь запас противопехотных мин, найденных под обрывом. Это стоило жизни многим гитлеровцам.

Третий день мало чем отличался от первых — отбивали непрерывные атаки. Вечером произошло два события. Из Спартановки на кручу приполз офицер штаба — посланец командира дивизии. Уходя, он взял донесение лейтенанта Очкина. Позже к защитникам кручи пришел из моей группы Степан Кухта с бойцами. Степану поручили правый фланг и порядок под обрывом, где находились укрытые в окопах раненые бойцы. В ту же ночь ему вместе с Тоней Давыдовой удалось часть раненых отправить по узкой песчаной ленточке берега, идущей вдоль реки, в Спартановку. Некоторых раненых отправили на плотах, сделанных из бревен, вниз по течению Волги, в сторону штурмового мостика, где были части нашей армии.

Тяжело сложился следующий день для защитников кручи. На рассвете после жестокого артналета и бомбардировки фашисты пошли в атаку. Они решили во что бы то ни стало сбросить наших в реку. Пивоваров ни на секунду не отрывался от пулемета, от кожуха шел пар, как от перегретого радиатора, Черношейкин еле успевал набивать и вставлять ленты; на левом фланге замолк один из ручных пулеметов — погибли оба бойца, а фашисты продолжали наседать. Из-за домов снова показалось несколько танков. Напряжение боя с каждой минутой нарастало. В это время совсем близко перед «максимом» разорвался вражеский снаряд. Пивоваров уронил голову на землю: осколок фашистского снаряда поразил бесстрашного бойца.

Вместе со всеми вели огонь из автоматов сержант Казачок и санинструктор Давыдова. У минометчиков не было больше мин, и внизу им делать было нечего, а Тоня просто не могла оставаться под обрывом. Ведь здесь, наверху, даже раненые — те, кто мог держать оружие, не покидали своего поста.

Девушка заметила, как вражеский снаряд поразил пулеметчиков. Она, пренебрегая опасностью, уже поползла к ним. Над головой свистели пули, выли осколки, а золотистая головка — Тоня где-то потеряла пилотку — мелькала рядом с замолкшим пулеметом.

— Иван Афанасьевич! Иван Афанасьевич! — по лицу Тони текли слезы. С помощью Черношейкина она осторожно расстегнула изорванную осколками шинель Пивоварова и ужаснулась: крупный осколок разорвал живот, другой пробил грудь. Иван Афанасьевич был еще живой. Девушка начала перебинтовывать раны, тщетно пытаясь остановить кровь. Пивоваров еле шевелил синеющими губами:

— Не надо, солнышко. Передайте сыновьям...

Тоня, не сдерживаясь, рыдала.

Так на боевом посту, сражаясь до последней минуты, погиб воин-большевик Иван Афанасьевич Пивоваров.

Черношейкин был ранен в ногу. Станковый пулемет разбит. Но старый воин остался в строю, вооружившись карабином.

Казалось, нет больше сил человеческих удержать кручу. Но тут неожиданно в самой гуще фашистов стали рваться термитные снаряды. Наши «катюши» накрыли фашистов у Дворца культуры. С середины Волги краснозвездные штурмовики дали залп «эрес», затем

пробомбили и свинцом прочесали противника. В стане врагов возникло замешательство. На поле боя остались десятки трупов гитлеровцев. Наступила короткая передышка, после которой налетели вражеские самолеты. Озверевшие фашисты снова пошли в атаку.

Тоня Давыдова, заметив в соседнем окопе раненого бойца, поспешила к нему на помощь. Опять, пренебрегая опасностью, она поползла по верху, по самой кромке, но вражеский снаряд настиг отважную девушку. Коля Смородин и Вася Зайцев бережно спустили ее вниз к Волге, укрыли в блиндаже. Ночью кому-то из бойцов удалось найти среди штабелей бревен дырявую лодчонку, и мы кое-как ее залатали. Тоня, сильно контуженная и раненная в бедро, ни за что не хотела переправляться. Пришлось вмешаться командиру. Алексей осторожно поднял ее на руки, и сам опустил в лодку. Вместе с ней погрузили еще двух раненых бойцов и отправили на остров Зайцевский.

День и ночь для героев кручи чередовались в каком-то сплошном кровавом тумане. Справа, в Северной группе войск, ни на минуту не стихал гул боя. На обрыве понимали, что там тоже очень тяжело. Герои готовы были умереть, но не могли позволить фашистам выйти большими силами во фланг нашим частям в Спартановке и Рынке. Никто не мог приползти оттуда к ним на кручу, и самим им тоже некого послать: каждый боец был на счету.

Люди валились с ног от усталости. Кружилась голова от голодного обморока. Хорошо, если за все эти дни с четырнадцатого съели по сухарю. От воды, сильно пахнувшей нефтью и рыбой, все жгло внутри. И вдруг Коля Смородин доложил лейтенанту Очкину, что обнаружен полузасыпанный блиндаж. Видимо, еще четырнадцатого, когда от тяжелых фугасных бомб, как спички, взлетали бревна, он был разрушен. Откопали вход. И что же? Там нашли только конфеты, солонину и немного разведенного спирта. Ни одного, хоть какого-нибудь завалявшегося сухаря!

На круче становилось все меньше защитников, но гитлеровцы были не в силах сломить их сопротивление.

— Сдавайсь, русь! Капут! Буль-буль Вольга! — кричали гитлеровцы ночью.

А им в ответ дружно летело:

— Гитлер капут!

А с утра разъяренные фашисты снова и снова шли на приступ кромки берега. Многочисленные трупы, сожженные танки— ничто ни останавливало их. Они продолжали фанатично атаковать. Ночь несла новый ультиматум русским:

— Сдавайсь, русь! Железный крест получайт!

— А мы вас деревянными наградим, — кричали оставшиеся в живых.

Но вот наступил день, когда на обрыве осталась горстка бойцов с лейтенантом Очкиным и одно противотанковое ружье. В строю еще оставались Степан Кухта, Вася Шутов, Черношейкин, Николай Смородин, Сергиенко, Василий Зайцев.

Еще утром был тяжело ранен в живот Коля Смородин. Степан помог ему опуститься с кручи к воде, перебинтовал раны. Кухта наскоро связал плот из нескольких бревен, уложил на него Смородина и других раненых бойцов, укрыл их шинелями, снятыми с убитых, и оттолкнул от берега...

Из-за трансформаторной будки снова показались вражеские танки. За ними, как всегда, автоматчики. Алексей Очкин сам вел огонь из противотанкового ружья. Ему удалось перебить гусеницу одного из танков, и тот беспомощно завертелся на месте. Другой

продолжал приближаться. И тут заело патрон. Алексей выбил затвор каблуком, смочил запекшимися губами патрон, дослал в патронник, прицелился, но рядом разорвался снаряд.

Зайцев еле успел подхватить своего командира. Его тяжело ранило. Осколок вражеского снаряда пробил комсомольский билет, но стальное зеркальце прикрыло сердце и спасло Алеше жизнь — то самое зеркальце из нержавеющей стали, которое он подобрал в танке еще в разведке за Доном.

Маленький плот, словно прощаясь с правым берегом, мерно покачивался на свинцовой волжской воде. Вокруг него прыгали маленькие фонтанчики от пуль и осколков. А на нем, поддерживая друг друга, руками отталкивали воду последние бессмертные герои. От боли и горя стиснув зубы и глядя на город, объятый пламенем, Алексей шептал своим боевым друзьям:

— Мы вернемся, обязательно вернемся, дорогой волжский богатырь!

* * *

Отгремели последние залпы Великой битвы на Волге.

Мы вместе со всеми советскими людьми ликовали. Каждый понимал, что это начало конца гитлеровского райха.

Снова воинский эшелон. Дивизион уезжал на формирование, чтобы с новыми силами идти на запад, очищать нашу землю от ненавистных фашистских завоевателей. Нас немного. Наша часть размещалась теперь в одном вагоне-теплушке.

Среди нас Алексей Очкин — он, не долечив раны, убежал из госпиталя. Здесь же боевой парторг Степан Сергеевич Кухта, другие наши боевые друзья: Илларион Федорович Шутов, «невозмутимый» лейтенант Иван Коваль, один из последних защитников кручи — усач

Черношейкин. Отважная девушка Тоня Давыдова тоже оправилась от ран и вернулась к своим новым друзьям. Садок Захарович Рогов возглавлял теперь наш штаб. Коммунист Шаповаленко заведывал всем хозяйством.

Нас всего семнадцать ветеранов Великой битвы, но с нами святая святых — боевое Красное Знамя 156 отдельного противотанкового дивизиона, которое мы с честью пронесли через все невзгоды и радости многомесячного величайшего сражения на Дону и Волге.

Многих из боевых друзей уже не было с нами: сложили голову в боях на Дону комдив Сологуб, капитан Богданович, Миша Самойлов, Ваня Берест... Память о них священна.

С нами в сердце навсегда оставался Иван Афанасьевич Пивоваров и другие защитники кручи. Нельзя было забыть нашего юного героя Ваню Федорова.

Вася Зайцев, Саша Медведев, смекалистый минометчик Казачок находились в госпитале. Неизвестна была судьба отважного истребителя и разведчика Коли Смородина.

Где-то в рядах наступающих частей шли в это время с победными боями на запад Михаил Андреевич Старцев, Коля Сергиенко, Коля Граждетский.

Мало воинов осталось от дивизиона, но это был тот костяк, который затем передавал весь свой богатый боевой опыт бойцам и командирам, прибывшим на пополнение в нашу боевую семью истребителей.

...Раздается протяжный гудок паровоза. Эшелон медленно трогается от станции Ахтуба. Все мы столпились у открытой двери теплушки — смотрим в сторону Волги. Степан Кухта задумчиво говорит, как бы обращаясь ко всем:

— Прощай, город-герой! Пройдут годы, зарастут развороченные снарядами поля сражений, новые светлые

здания будут построены на берегах Волги, и ветеран-воин с гордостью скажет: «Да, я сражался под знаменами доблестной 62-й!»

* * *

Прошло двадцать лет.

Долгое время о подвиге героической группы воинов из 112 дивизии в боях за тракторный не было известно.

В условиях культа личности несправедливые и обидные для нас, ветеранов, обвинения оказались достаточными для того, чтобы перечеркнуть и забыть боевую славу 112 Сибирской дивизии, так много сделавшей для обороны Волжской твердыни.

Только Маршал Советского Союза В. И. Чуйков в своей книге «Начало пути» впервые объективно и высоко оценил роль 112-й, тепло написал об Иване Петровиче Сологубе — нашем первом комдиве и вполне справедливо назвал дивизию сологубовской.

Как же была раскрыта эта новая героическая страничка?

Недавно скончавшийся в Волгограде бывший заместитель командира 112 дивизии, Герой Советского Союза генерал-майор запаса П. Т. Михалицин, рассказал маршалу Чуйкову и сотрудникам Государственного музея Обороны о последних боях 112 дивизии в районе тракторного, о группе под командованием лейтенанта Очкина. Летом 1962 года председатель Военно-научного общества при Волгоградском доме офицеров генерал-майор запаса И. К. Морозов пригласил нас — А. Я. Очкина и меня — принять участие в военно-исторической поездке по местам боев 62 армии.

После поездки меня с Алексеем Яковлевичем Очкиным пригласили в Государственный музей Обороны. Директор музея Денисов Григорий Иванович, старший научный сотрудник Логинов Иван Максимович и дру-

Спустя двадцать лет. Алексей Очкин (в центре), Николай Смородин с сыном и Антонина Давыдова с дочерью.

гие с большим интересом расспрашивали нас о боевых делах дивизии.

Подвиг командиров и бойцов на круче Волги стал известен советским людям.

По приглашению Волгоградского городского Совета мы приняли участие в праздновании двадцатилетия Великой битвы на Волге. Было много незабываемых встреч.

Из числа воинов 112 дивизии, сражавшихся на берегах Волги, откликнулись бывший старший политрук Гусев В. В. — ныне подполковник запаса, Садок Захарович Рогов — он давно уже на пенсии, живет в Сибири. Одним из первых прислал взволнованное письмо Михаил Андреевич Старцев, подала весточку о себе медицинская сестра нашей дивизии Мария Ульяновна Барзыкина и многие другие.

Особенно радостно было получить письмо из далекого Томска, от нашей боевой подруги Антонины Моисеевны Давыдовой, где она работает старшей стрелочницей станции Томск-1.

Газета «Советская Сибирь» сообщила недавно о нашем незабываемом Коле Смородине. Николай Ильич Смородин жив, продолжает трудиться, несмотря на инвалидность, которую он получил в результате тяжелого ранения в боях за Родину.

Судьба еще двух героев, оставшихся в живых после сражения на круче Волги — Степана Сергеевича Кухты и Иллариона Федоровича Шутова, была нам известна. Два года шагали мы вместе со Степаном по земле нашей Родины, освобождая ее от фашистов. 15 июля 1944 года наш боевой парторг — младший лейтенант Кухта геройски погиб под Бродами. А старший лейтенант Илларион Федорович Шутов всего несколько месяцев не дожил до дня Победы. Наш преданный друг

Вася Шутов пал в боях уже на территории врага в феврале 1945 года.

Где остальные воины из героической группы бессмертных? Кто из них дожил до конца войны, до полной победы?

Живы они или нет, но подвиг их бессмертен и никогда не забудется нашим народом!

■ ■ ■

СОДЕРЖАНИЕ

Борис Васильевич Филимонов
БЕССМЕРТНЫЕ

Редактор Е. И. Ткаченко
Художник А. И. Печенников
Худож. редактор Б. К. Сивец
Техн. редактор М. П. Щербакова
Корректор Н. Б. Ворович

НМ 04263. Сдано в набор 10/III 1965 г. Подписано к печати 30/VI 1965 г. Бумага $70 \times 108^1/_{32}$ Бум. л. 2,3. Печ. л. 6,3. Уч.-изд. л. 5,81. Тираж 15 000. Заказ 2417. Цена 19 к.

Нижне-Волжское книжное издательство, Волгоград, ул. КИМ, 6. Областная газетно-книжная типография управления по печати. Волгоград, Привокзальная площадь.